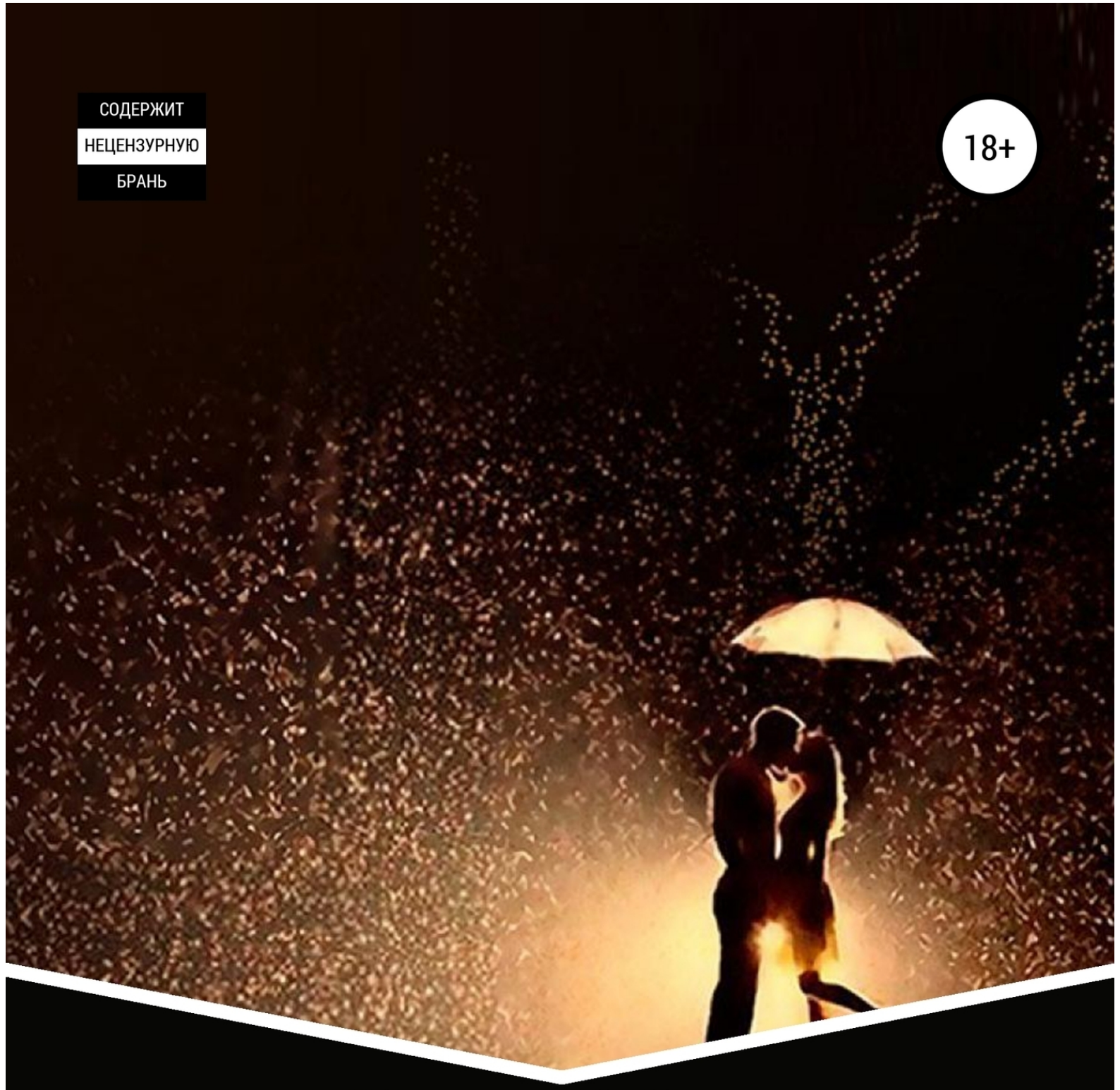

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Михаил Байков

Достигая крещендо

Михаил Байков

Достигая крещендо

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Байков М. Д.

Достигая крещендо / М. Д. Байков — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Размеренная и спокойная жизнь молодого епископа на Лазурному берегу неожиданно принимает новые обороты. Из родной России приходят странные новости, побуждающие его к действию... На фоне проблем личности разворачивается нешуточное противостояние в верхних эшелонах власти, среди сильных мира сего. Содержит нецензурную брань.

© Байков М. Д., 2020

© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Пролог	6
Часть первая	7
Глава I	7
Глава II	11
Глава III	16
Глава IV	20
Глава V	25
Глава VI	28
Глава VII	33
Глава VIII	36
Глава IX	43
Глава X	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

*Посвящается
Анне Комиссаровой*

Пролог

Душные лучи солнца прорезают окна мотеля, впиваясь в глаза постояльцев. Но им всё равно. Утомлённые не только от долгой дороги, но и от самой такой жизни, мужики продолжают храпеть мимо нот. Им действительно всё равно на то, что встать надо было час назад, а ответственность за груз в трёх фурах полностью отсутствует, если наниматель не сказал, что там.

Они спят... Но тем, кому груз интересен не до сна. Артемий Клёнов третий час потеет в оперативном штабе, ожидая пробуждения дальнобойщиков.

– Екатерина Алексеевна, может лучше их задержать в мотеле? Мои ко всему готовы...

– Жди, Тёма... Не надо нам публичности.

Клёнов недовольно хмурится в ответ своими ржаными бровями, но должен подчиниться.

«Проснулись», – передают оперативники.

– Ждём, когда поедут, – распоряжается Екатерина Алексеевна. Клёнов сурово пыхтит.

Дальнобойщики медленно завтракают, не подозревая о мучениях, которые они причиняют напряжённо ожидающим сотрудникам Службы безопасности. Через двадцать минут, наконец-то, выстраивают свою колонну и начинают двигаться по Минскому шоссе.

– Пора... – шепчет Клёнов.

– Тихо, – отвечает ему Екатерина Алексеевна, но в слух объявляет, – Начинаем операцию.

Вслед за фурами выезжает Cadillac, для конспирации красного цвета.

«Через четыре минуты блокируем дорогу».

Екатерина Алексеевна и Клёнов напряжённо следят за движением колонны.

– Тут перекроют гаишники... – бормочет Артемий. – Здесь заблокируют...

– Группа готова? – командным голосом спрашивает Екатерина Алексеевна. – Через три минуты захват.

«Блокируем дорогу», – сообщают из кадиллака.

Екатерина Алексеевна кивает Клёнову, чтобы выезжал на место. Он мгновенно срывается с места. «Поставили дуру руководить, я это от Китая вёл...»

– Артемий Алексеевич, что делать? – спрашивает его, больше ради формальности, наблюдатель ГИБДД.

– Так фуры останавливайте, идиоты – отвечает Клёнов тоном человека, от которого всё зависит, хотя и знает, что всё идёт по плану.

«Начали проверку документов. Все лишние удалены».

«Группа, начали», – отвечает Екатерина Алексеевна.

Клёнов, мчащийся по шоссе с более чем штрафной скоростью, слышит театральные возгласы спецназа, лишённые романтизма вздохи, фразы и словосочетания обескураженных дальнобойщиков, перебирающих большой словарный запас, пару выстрелов в небо...

– Ну, что у вас? – спрашивает он.

«Пока только тушёнка, товарищ капитан».

– Ну тогда мне заверните...

«Я вам заверну! Артемий, чтобы через две минуты был на месте. Без него фуры не осматривать».

– Да, ребят, будьте аккуратнее, если там то, что мы думаем, – заботливым голосом произносит Клёнов, продолжая недоброжелательно отзываться о Екатерине Алексеевне про себя.

«Тут, конечно, товарищ капитан, ужас...»

Часть первая

Глава I

Жизнь приморского города расцветала к вечеру: бульвары искрились длинными линиями фонарей; автомобили переставали раздражать прямоходящих людей; ласковое днём Средиземное море волнительно высказывало своё возмущение; кучки туристов топтали набережные; местные жители азартно толкали иностранных гостей к посещению забегаловок, переполненных атмосферой Прованса и завитками хрустящего хлебного аромата...

– Trois brioches, s'il vous plaît, et deux bouteilles d'eau minérale, – делал заказ мужчина с акцентом, приближённым к итальянскому.

– Je suis rapide... – отвечал далеко не на провансальском диалекте житель бывших французских колоний в Африке, кивая из-за прилавка.

В голове покупателя мелькнуло сомнение – если единственное число «brioche», надо ли склонять его на французском? Хотя сожалеть о знании языка не стоило – очевидно, что продавец этой пекарни прекрасно понял бы суть заказа на любом языке, ведь уже через мгновение булочки лежали в бумажном пакете с пятнышками масла, а сам французский подданный, широко улыбаясь, протягивал мужчине две бутылочки минералки и, раскатисто мыча, сообщал цену:

– Neuf euros!

– Grazie, – ловко прозвучала итальянская благодарность от мужчины, прикладывающего кольцо к терминалу, и мягко улыбающегося продавцу из-под своей опрятной, слегка рыжеватой бороды.

У двери в пекарню мужчину нетерпеливо поджидал его спутник – человек лет тридцати, с жёсткой щетиной, грубыми светлыми волосами и северными чертами лица.

– Господин капитан, надеюсь, вы не заждались?

– Спаси Господи, – оскалился раздражённо «господин капитан».

– А гэбисты в Бога веруют? – весело продолжал мужчина, увлекая своего спутника за собой.

– Саш, а в кого ещё? – с усталым отчаянием отвечал «гэбист».

Они быстро шли по улочкам Ниццы среди шумного потока людей. «Саша» со вкусом жевал купленные кулинарные сувениры французского кондитерского дела и всматривался в людей, гуляющих в жёлтом свете фонарей.

– Здесь теракт в 2016 был? – вяло спросил у него спутник.

– Рядом, Тёма, на Английской набережной... Стыдно такого не знать!

– У меня специальность другая, Саш...

«Саша» театрально вздохнул, поправляя белый шарф, и молча, но в душе жалея о лишних покупках, довёл Тёму до оперного театра Ниццы.

– И сколько времени? – язвительно спросил «Саша» уже в гардеробе.

– Семь тридцать пять!

– А «Пиковая Дама» во сколько?

– В восемь, – звучал спокойный ответ.

«Саша» чопорно окинул Артемия сверху вниз, оценивая выбор наряда для светского вечера – тёмно-синий костюм в тонкую полоску и однотонный голубой галстук.

– И когда ты успел переодеться? – снимая весеннее пальто, поинтересовался «Саша».

– В номере. У меня было несколько минут...

– Эф-ффе́ктно, не думал, что у гэбистов есть стилия...

– Князев, хватит палку–то перегибать, – промычал Артемий, в свою очередь отмечая экстравагантный внешний вид друга (чёрный френч; брюки, заправленные в высокие кожаные сапоги; белый шарф, небрежно накинутый на шею; аккуратный перстень на мизинце).

– Да ладно, без обид... Просто настроение хорошее, Тём... Слишком редко видимся, отвык от юмора моего.

– А сам–то павлином разodelся, – с положительной оценкой отметил Артемий.

– Ну, не в рясе же расхаживать по операм, – улыбнулся «Саша», демонстративно постукивая пальцами по запонкам с выгравированным голубем.

– Посмотри на неё! – начинал возвращаться в привычные рамки юмора Артемий. – Сразу видно театрального работника со стажем – бюст, как изгибы бельэтажа, а рюмка коньяку срослась с пальцами! Стаж, одно слово.

– Как ты не ласков к театральным служащим, – лукаво улыбался «Саша». – Хотя я помню ещё театралку Ропотову в десятом классе. Таких в европах не держат!

– Такую нигде не держат! Мы тут на долго?

– Ох, Тёма, опера всегда долго. Но к Селини мы успеем, его жена поёт Лизу, а он без неё точно не закончит свою тусовку.

– Всегда удивлялся твоему пониманию благочестивой жизни...

– Ну, давай об этом не будем, – замах руками «Саша». – О богословии не в Оперном театре. К тому же ты мой гость, которому, в силу профессии, довольно редко везёт вырваться из страны.

– Я всё равно не на долго и лишь по двум вопросам... – начал серьёзно говорить Артемий.

– Двум? – удивился его спутник. – Я думал только встречу выпускников ты хотел со мной обсудить.

– Да, но ещё и по работе кое–что нужно уточнить.

– Тебе исповедь нужна? – лёгкий смешок вырвался из «Саши».

– Нет. Это касается всех нас... Но тебя, наверное, будет заботить больше...

«Laisse moi passer», – прервала сосредоточенную речь капитана Службы безопасности эффектная брюнетка в прелестном, но не соблазнительном платье, пробираясь к своему месту в партере. Артемий, параллельно пытаясь перевести её фразу, с чисто мужским интересом осмотрел фигуру и уступил путь. Его друг последовал примеру, но не стал осматривать всю незнакомку, а лишь заглянул в её глаза, найдя в них безумную сосредоточенность. К его мгновенному безразличию она села на соседнее место, распахнула свой клатч без явной принадлежности к бренду и достала смартфон в чёрном чехле с маленьким серебряным гербовым орлом. «Саша» лёгким толчком привлёк внимание Артемия к даме, взглядом сказав ему: «Наша».

Артемий лукаво улыбнулся, а в глазах проскользнула хищная искорка. Его друг осуждающе нахмурился, указывая взглядом на его обручальное кольцо. Тот гордо хмыкнул и чуть надулся. «Саша» усмехнулся и решил продемонстрировать свои таланты:

– *Что наша жизнь – игра,*

Добро и зло, одни мечты.

Труд, честность, сказки для бабья,

Кто прав, кто счастлив здесь, друзья,

Сегодня ты, а завтра я.

Так бросьте же борьбу,

Ловите миг удачи,

Пусть неудачник плачет,

Пусть неудачник плачет,

Кляня, кляня свою судьбу.

Продукламировал «Саша» арию Германа, стреляя взглядом на сцену, зрителей, удивлённого выходкой Артемия, и, собственно, брюнетку, наблюдающую за «Сашей» с долей приятной ироничности на лице.

– Русских легко узнать, – улыбнулась она ему.

– Ну, арабов на много легче, – понимая, что брюнетка оценит, отвечал «Саша». Она усмехнулась.

– По вам трудно сказать, что вы не политкорректны.

Артемий закатил глаза – хоть он и любил поболтать в пустую, но предпочёл воздержаться от вмешательства в назревающий флирт.

– Мой несколько экстравагантный внешний вид, – жеманно разговаривал «Саша», – не имеет никакого отношения к политкорректности... Хоть в силу своей профессии я терпим ко всем, но столкновение двух культур переношу с трудом...

– Арабы в Оперу не ходят, – с политической ноткой в голосе заметила брюнетка.

– Это и плохо. Мне было бы гораздо спокойнее, если они ассимилировались с европейской культурой.

– Возможно... Вы упомянули о профессии, наверное, нам надо представиться? – вновь улыбнулась брюнетка, обнажив полоску белых зубов.

– Скажу по секрету, с этого следовало начинать, – почти у самого уха брюнетки прошептал «Саша». Артемий совсем выпал от такого поведения.

– Я с вами абсолютно согласна, – отвечала брюнетка, повернув голову так, что их глаза смотрели друг в друга. Свет в зале начинал гаснуть, и Артемий чувствовал некоторую неловкость.

– Позвольте представиться, – не отрывая головы и не отводя глаз, говорил «Саша», – Евгений, викарный епископ Европейского экзархата.

Артемий по реакции брюнетки, чуть-чуть отстранившейся от головы Александра, понял, что последний выиграл в этом раунде флирта.

– Что ж... Весьма неожиданная встреча, – сказала она, быстро справившись с растерянностью и даже вновь приблизив голову. – Со мной же всё проще, Елизавета Орлова, здесь просто отдыхаю.

– Как? Елизавета Николаевна? – в той же позе продолжал епископ.

– Да, – с оттенком гордости ответила она с внешней невозмутимостью.

– Заместитель Руководителя Администрации Президента России по связям с общественностью? – отчеканил каждое слово Александр голосом знающего человека.

Орлова пристально посмотрела на него с огнём в глазах и, прищурившись, после паузы хитро спросила:

– Вообще-то я также курирую СМИ и интернет-пространство.

– А-а-а, – протянул игриво епископ. – Реальность создаёте?

– Ну, если пропаганда убеждает людей, тогда да. Создаю реальность для всех.

– А интернет? – удивлённо спросил епископ.

– А что он? Его контроль важнее... Но признаться и проще. А вы фонд «Благословение» возглавляете? – увела разговор в сторону Орлова.

– Да что вы... Я лишь идейный вдохновитель, руководят другие.

Даже приветственные аплодисменты зала не смогли прервать разговор епископа и федерального чиновника. Но если обычно беседы между подобными людьми носят фор-

мально–деловой характер, то эта пара просто общалась на различные темы – от работы до самой оперы, её истории и смыслах.

Клёнов тем временем ощутил себя несправедливо забытым и, пытаясь не обращать внимание на своего друга и его собеседницу, тщетно пробовал вникнуть в суть «Пиковой дамы». Лишь в антракте епископ представил его Орловой, которая не обратила на Клёнова никакого внимания, ограничившись надменно–властным кивком головы. Артемий Алексеевич вновь осознал, что посещение культурных мероприятий выходит за пределы его стиля жизни.

Глава II

– Тёма, она поедет с нами, – быстро шепнул епископ Клёнову. – Знакомство такое подарок судьбы!

Артемий не питал нежных чувств к гражданским служащим, считая их, как и все его коллеги, за людей, влияющих на жизни и судьбы миллионов людей, но ограниченных от ответственности за свои действия. К женщинам на высоких должностях Клёнов совершенно не мог привыкнуть, а потому не разделял деловой заинтересованности своего друга, видевшего в Орловой выгодное знакомство.

Через восемь минут к компании, не покинувшей здание, присоединилась воздушная блондинка.

– А вот и наша Лиза! – встретил её с широкой улыбкой Евгений. – Арию, конечно, чуть-чуть пережала, но овации совершенно заслуженные!

– О, кардинал, ты, как всегда, говоришь ядовитые вещи! – отвечала сопрано, смеясь лёгкими звуками.

– Знакомься, Ольга, – продолжал епископ. – Елизавета Орлова и мой школьный друг Артемий Клёнов.

– Вы чудесно пели сегодня, – располагаясь улыбнулась Орлова, протягивая руку Ольге. Их властные ладони соприкоснулись и, не желая действовать первыми, мягко вернулись обратно.

– Евгений, Селини не предупреждал, что вас будет трое.

– Думаю, твоему мужу совершенно всё равно, сколько я приведу с собой гостей, – отвечал Ольге епископ, слегка задетый такими словами.

– К тому же я из российского правительства, – усмехнулась Елизавета Николаевна, пронзая взглядом типично дерзкую сопрано. Той оставалось промолчать и сказать тихим голосом с ноткой досады:

– Я сяду сзади, кардинал...

Под весёлую музыку французского радио, со скоростью 160 километров в час, кабриолет епископа мчался по ровным дорогам автостреды, растрёпывая ветром волосы Евгений, развевая причёску Орловой и продувая Клёнова и Ольгу, сидящих сзади. Внизу сверкали огни побережья, а в море, как лампочки гирлянды, качались разноцветные точки яхт. В чёрном небе рассыпались звёзды, а слева тянулись плавные линии гор. Частые туннели не воспринимались, как желтые порталы в иные миры, а становились проводниками наслаждения красотой природы, сросшейся во едино с человеком. Проезжая яркое Монако, Орлова еле слышно спросила:

– Почему кардинал?

– Так меня называют богатые друзья–бездельники, – тоже прошептал Евгений так, что только Орлова услышала его.

В Бордигере епископ с чувством истинного знатока местности ловко провёл кабриолет по изгибам дорог, въехав в оживлённый ночью город. Полоса каменистого пляжа, погружённого в густую темноту, сменялась яркой набережной с улыбающимися людьми и рядом ресторанчиков с беспричинно радостными посетителями. Остановившись буквально на одно мгновение, можно было почувствовать счастливое умиротворение беззаботной жизнью, лишённой глубокого смысла, но способной дарить размеренное веселье – быстрая эмоциональность итальянской речи, постукивание бокалов и мелодичные звуки переливания вин, удивительный запах блюд, оставляющей в самом сердце послевкусие домашнего уюта...

Кабриолет свернул с набережной, и мир изменился. Справа продолжало шуметь море, слева была каменная стена, покрытая густой зеленью и цветами. Освежающая сырость с каж-

дым вздохом разливалась по телу, и все пережитые впечатления как бы собрались вместе и шептали каждому нечто, причиняющее удовольствие.

Епископ сделал несколько поворотов, и машина начала подниматься по закрученной дороге вверх, проезжая мимо осветлённых вилл с шумными компаниями. Через ещё один поворот взору предстал холм с рядами виноградников по пологим склонам, на плоской вершине которого грозно возвышался серый особняк, с маленькими квадратными окнами, хаотично вырубленными в тех, казалось, средневековых стенах.

– Мы приехали, – пробудил пассажиров спокойно улыбающийся епископ.

Кабриолет въехал в открытые кованые ворота и припарковался рядом с роскошными автомобилями приезжих гостей Ривьеры. Поднявшись по широким каменным ступеням к дому, галерея первого этажа которого закрывалась резными колоннами. Участок рядом с домом светился огнями, а пространство пронзалось громкой музыкой и шумными разговорами людей.

– Beh, finalmente vi ho aspettato! ¹ – обратился дружелюбно морщинистый хозяин в белом смокинге сразу ко всем.

– Scusa, abbiamo passato troppo tempo a goderci l'opera, – мгновенно ответил Евгений тенором, для поцелуя протягивая руку с перстнем. – Olga era incredibilmente bella! ²

– Oh, opera! Figaro è qui, Figaro è là! – отвечал Селини, принимая руку Евгения и обращаясь ласково к своей жене. – Olga, mi annoio qui senza di te! ³

– Roberto, questo è il mio amico Artemio e un importante funzionario di Mosca, Elisabetta, – заговорщически представил остальных епископ. – Elisabetta ⁴.

– E'un piacere conoscerla. Vi prego, divertitevi! ⁵ – с чисто итальянским темпераментом твердил Селини.

Селини, с повисшей на его плече воздушной Ольгой, направился развлекать другую группу гостей, оставив епископа и его компанию вольными делать что угодно на этой вечеринке.

– Кто он? – поинтересовался Артемий.

– Психиатр, – вальяжно бросил Евгений.

– Брр... – недовольно сморщился Клёнов. – Ещё один богатый бездельник...

– Во-первых, кого ты имеешь в виду вторым, произнося «ещё»? – остановился епископ, вновь получивший расслабленно юмористическое настроение. – Во-вторых, у него докторская степени криминалиста. Не совсем бездельник, даже твой коллега в некотором роде. И в-третьих, что ты имеешь против психиатров?

– Смотрят постоянно свысока, в душу лезут, да и считают себя умнее других.

– Это психологи, дорогой мой, – усмехнулся Евгений. – Они препарируют тебя, потешая профессиональное самолюбие и восторгаясь своим гениальным раскрытием особенностей исследуемого индивидуума...

Двор виллы был заполнен гостями, занятыми разговорами и сплетнями за бокалом игристых напитков. Им был мало интересен потрясающий круговой обзор с виллы. Изгибы побережья Италии с одной стороны и Франции с другой, волны гор, огни городов и шум моря давно стали для них естественным.

¹ Ну, наконец-то я вас дождался! (*фр.*)

² Прости, мы слишком долго наслаждались оперой, – мгновенно ответил Евгений тенором, для поцелуя протягивая руку с перстнем. – Ольга была ослепительно прекрасно! (*фр.*)

³ О, опера! Фигаро здесь, Фигаро там! – отвечал Селини, принимая руку Евгения и обращаясь ласково к своей жене. – Ольга, без тебя мне скучно! (*фр.*)

⁴ Роберто, этот мой друг Артемий и важный московский чиновник – Елизавета. (*фр.*)

⁵ Безумно рад нашему знакомству! Прошу вас, развлекайтесь! (*фр.*)

– Бордигера лучшее место для закатов и рассветов. Мыс с часовней, мимо которой мы проехали, выходит и на восток, и на запад. Каждый день солнечный диск поднимается со стороны Италии, озаряя всех светом и пронизывая влажный утренний воздух, проходит по небосводу и вечером медленно садится во Франции, поджигая горы и унося с собой жару, – проговорил епископ, которому вид был интереснее происходящего.

– Поэтично, – улыбнулась ему Орлова. – Я здесь вижу много знакомых лиц, например, правительственного «Достоевского», – при этих словах какой-то толстый мужчина неуклюже отвернулся от острого взгляда Елизаветы Николаевны, но по своей невезучести опрокинул бокал, мгновенно разлетевшийся на маленькие осколки.

– Фёдор Михалыч, вас легко узнать, – окликнула его Орлова, смеясь.

– Ага... – пролепетал смущённый Фёдор Михалыч. – Доброй ночи, Елизавета Николаевна!

– Я думала, вы на форуме в Женеве, – иронично говорила она.

– Тут недалеко, развеется решил... Выходные...

– Так среда вроде? А завтра вообще в Кремле собрание.

– Ааа... уже среда? – испуганно сморщился Фёдор Михалыч.

– Долго у вас длятся выходные! – захохотала Орлова. – Чтобы завтра вечером у Божесова были...

Фёдор Михалыч чуть не последовал за разбитым бокалом, но предпочёл промолчать и очень быстро исчез с этой вечеринки, уехав в кортеже с тремя автомобилями. Артемий тем временем уже погрузился в атмосферу. Русскоговорящие барышни стайкой окружили его.

– Вы из России? – интересовались наиболее молодые из них.

– Да, да... – отвечал он, в свою очередь больше интересуясь закусками. – А вы откуда приехали?

– Вообще-то мы местные, никуда нам приезжать не надо – с жирным оттенком гордости отвечали дамы постарше, заслужившие право причислять свои саратовские души к обитателям Ривьеры.

– Да... отлично... – безэмоционально говорил Артемий, немного задевая заслуженных дам.

Епископ Евгений занял своё любимое место на вилле Селини у самого края, перед навесным обрывом. Вечеринка дышала.

– Кардинал! – выпорхнула из ниоткуда Ольга. – Ты обещал мне сопровождать!

– Разве? – равнодушно спросил Евгений, но бодро последовал за Ольгой к сцене с белым роялем и контроллерами.

– Скажи что-нибудь очаровательное, – шепнула Ольга епископу, пока сама подгоняла под себя стойку микрофона.

– Amici, tutti voi conoscete la voce dell'Opera di Olga Selini. Ma oggi ⁶... Впрочем, большинство собравшихся понимает по-русски, – все засмеялись с небольшим облегчением нелюбителей переводить итальянскую речь. – Поэтому просто представляю вам Ольгу в амплуа джазмена с восхитительной песней ZAZ «Je veux». Поёт Ольга Селини, аккомпанемент – я за роялем, и наш несравненный диджей, похлопаем! – все гости зааплодировали.

Епископ сел за рояль, демонстративно перекинул белый шарф, встряхнул волосами, выражая уверенность, и ударил сильными аккордами начало песни. Играя глазами с гостями, он ритмично отбивал свою часть аккомпанемента, пока диджей не подключился к этой музыке,

⁶ Друзья, вы все знаете оперный голос Ольги Селини. Но сегодня... (фр.)

постепенно добавляя в неё новые краски. В момент мощного звукового толчка Ольга вступила с яростным вокалом, совершенно не похожим на то, что было с нею в опере. В её агрессивной подаче и наглых движениях читался профессионализм, смешанный с искренним состоянием души. Каждое слово песни она произносила отточено, будто зазубрила французский текст, хотя языком владела очень хорошо. В проигрыше диджей заглушил аккомпанемент Евгения, создавая глубокие комбинации звуков, пронизывающих всех собравшихся энергией. В нужный момент он оборвал свои беснования, и стала слышна игра епископа, перебиравшего клавиши, дающего музыке новую силу. Достигнув крещендо, епископ соединился в едином порыве изощрений диджея и эмоционального пения Ольги, спевшей этот припев гораздо легче, возможно, из-за более динамичного сопровождения. В последних строках песни епископ подстроился под Ольгу и допел с ней слова до конца, разбавив пугающую страстность своим голосом. Номер завершился ловкими арпеджио епископа Евгения. Все были под впечатлением и зааплодировали в едином порыве, выкрикивая «Bravo».

– Надеюсь, – шепнул Ольге Евгений, пока обнимал её, – Ты просто переигрывала. Так эту песню можно петь только тогда, когда чем-то недоволен.

Она улыбнулась ему многозначительной улыбкой, но в глазах читался восторг от произведённого эффекта.

– Откуда они знакомы, Артемий? – спросила неожиданно Клёнова Орлова.

– Кажется, она училась в консерватории, когда Князев был студентом–выпускником и проходил практику в Совете Федерации, – сухо ответил Артемий.

– В Совете Федерации? – удивилась Орлова. – Разве он не богослов?

– Обычно он говорит на это, что пути Господни неисповедимы, – отшутился Артемий.

– Так что он заканчивал?

– Скажу только, что он был единственным московским студентом из всех студентов парней и девушек, который ни разу не курил кальян.

– Будто остальные курили? – с улыбкой спросила Орлова.

– Конечно, в Москве невозможно студенту пройти мимо. Говорю и как бывший студент, прошедший через ощущение свободы от родительского контроля (зачем ещё поступает большинство людей), и как человек, занимающийся определённым контролем...

– Вам не кажется, что у Ольги отнюдь не оперный голос? – спросила Орлова.

– Да если бы я в этом разбирался! – хихикнул Артемий.

– А в чём вы разбираетесь? – попыталась захватить врасплох его Елизавета Николаевна. Он пронизывающе на неё посмотрел.

– Да так... Госслужба.

– То есть вы тоже здесь работу прогуливаете? – весело заметила Елизавета Николаевна.

– Да в отпуске я... – грубовато ответил Клёнов.

– Клёнов, Клёнов... что-то припоминаю... – выбрала другую стратегию Орлова. – Вы ведь сотрудник Службы безопасности?

Артемий удивился.

– Ну, да.

– Это ведь вы занимались делом «Дальнобойщиков»?

– Я не уверен, что могу с вами об этом говорить...

– Напротив, с кем, как не со мной. Я детально разрабатывала этот вопрос вместе с Красенко.

Упоминание директора Службы безопасности не вызвало в Артемии приятных эмоций.

– В таком случае, вы знакомы с ситуацией даже лучше меня.

– Знаете, дело крайне опасное оказалось, не зря мы выпустили только одно заявление «Задержана группа дальнобойщиков» с туманным пояснением. Вы всё-таки проводили арест,

а потому лучше Красенко знаете груз фур... К тому же он так любит преувеличивать, своей любимой фразой «героическое действие», – передразнила Орлова.

Подобное отношение к директору Службы безопасности никогда бы не могло возникнуть в служебной беседе, но эта лёгкость, с которой Орлова произносила имя директора, высмеивая его поведение, расслабила Клёнова и всё больше расположила его к Орловой.

– Да, – усмехнулся по-доброму Артемий. – Он ещё тот кадр. Что же он наплёл?

– Сущие пустяки, просто предоставил опись, маршруты, заказчиков и прочую официальную информацию... Лучше скажите, на какой стадии следствие?

– Но всё равно по секрету скажу. Мы пытаемся распутать сложную систему подрядчиков и фондов, через которые проходил заказ. Такого объёма хватило бы на ужасные вещи...

– Подозреваемые есть? – спросила прямо Орлова.

– Это секретно, но если честно, то нет.

– Интересно, что вы не знаете подозреваемых в деле национальной безопасности, – протянула Елизавета Николаевна, допивая бокал Lambrusco и понимая, что Клёнов совершенно ничего нового не сказал. – Были бы вы не женаты, я бы предложила вам потанцевать.

– Не будь вы женой премьера, я бы согласился.

– Я бывшая, – сладко проговорила Орлова. – К тому же он не ревнивый.

– А моя жена очень ревнива.

Орлова засмеялась, причинив большое удовольствие Клёнову. Ещё полчаса они беззаботно болтали о всякой ерунде, найдя друг друга интересными собеседниками. Артемий с удовольствием рассказывал комичные истории служебной жизни, Орлова высмеивала наиболее популярных и видных чиновников Правительства.

Наконец, гости стали разъезжаться. Епископ отыскал их и предложил ехать немного в других условиях. Артемий не без зависти отметил Мазерати мягкого синего цвета, в автопарке друга, вызванный епископом из Ниццы.

– Надеюсь в будущем мы встретимся, – на ломаном русском с неожиданным кавказским акцентом проводил Селини Елизавету Николаевну.

– Мой дорогой доктор, – отвечала ему Орлова, находящаяся в приподнятом настроении от местного игристого. – На будущее может рассчитывать тот, кто имеет что-то в настоящем.

Селини улыбался, совершенно не понимая смысла сказанного.

– Ciao! – крикнул он в след.

– Вижу с ревностью вы и правда не знакомы, – пошутил Клёнов.

– Пустяки, – устало произнесла Орлова сонно.

– Такая философия не понятна итальянцам... Они как раз чувствуют настоящее, не думая о будущем, – заметил благодушно епископ.

«Потому будущее у них и есть» – заговорил внутри засыпающей Орловой государственный деятель.

Глава III

За месяц до описанных событий на Ривьере в Москве произошло странное заседание Правительства. Мрачные и уставшие министры в одинаковых костюмах неторопливо шептались между собою в зале заседаний Совета безопасности Сенатского дворца.

– Я совсем замучился...

– Да, дикая неделька.

– Вам бы отдохнуть, – заметила заботливо министр культуры.

– Эта чехарда закончится, тогда улечу на недельку, – мечтательно ответили ей, сладко причмокнув.

– Журналистов нет и хорошо, а то я усну сейчас...

Шушукались министры социального блока, обсуждая головную боль друг друга, от скуки доходя даже до обсуждения здравоохранения. В другом конце стола, чуть ближе к «трону», шептались вице-премьеры:

– Вы не с пустыми руками, надеюсь?

– Нет... Но Начальник не по этим вопросам зовёт, просто трёп послушаем.

– Да от Николаича–то ладно, он о своём послании будет болтать... Я про Божесова, если мы без цифр будем, он завтра же нас ***.

– Меня сегодня...

– С чего бы?

– Я с женой на благотворительный вечер «True liberals» еду... Божесов тоже приглашён.

– Ой, дурак... – протянул собеседник. – За такие мероприятия и двести девяностую повесить могут.

Прошло всего две минуты, а свободы темы разговоров начинали заканчиваться. Оставалась только надоевшая всем работа... К счастью, появился Президент – Сергей Николаевич Лапин. Все быстро двинулись к своим местам, выражая своё почтение Первому лицу кивками. Тот быстро сел, расстегнул пиджак и раскрыл папку с бумагами. Все нахмурились и тупо уставились в перпендикулярную глазам точку стола. Лапин обвёл их взглядом, готовясь заговорить, но остановился на пустых креслах.

– Так, – сказал он, прикрывая твёрдый голос смешливой интонацией. – Где товарищ премьер?

Никто не двинулся.

– Где министр иностранных дел, где министр обороны? – продолжал Лапин.

– Игорь Сергеевич в ООН, Максим Петрович летит из Мурманска... – робко, не поднимая головы отвечал вице-премьер.

– Ох, – тяжело вздохнул Лапин. – Подождём...

Им было взаимно неудобно. Нельзя было назвать Сергея Николаевича ограниченным и глупым человеком. Он просто не обладал харизмой и самоиронией, которая была у Божесова, хотя шутил иногда очень удачно и метко. В 2024 году именно его Божесов обошёл на выборах... Карты в руках ВВП сложились так, что Божесову не удалось занять возжеленное кресло Президента. Лапин смотрелся там гармонично – тихий, спокойный, местами здравомыслящий и вечно твердящий что-то про экономику и постоянный рост в накоплении средств. Но жена его занималась бизнесом, а потому на протяжении одиннадцати лет Лапин активно взаимодействовал с предпринимателями – они выполняли госзаказы, строили стадионы, получали субсидии и выигрывали тендеры. Когда же приходило время думать о социалке, то в игру вступал Божесов – он хорошо справился с эпидемией 2025 года, успешно преодолел последовавший за ней экономический кризис, боролся с безработицей и старался воспитать хоть какое-то подобию гражданской дисциплинированности и ответственности. Лапину же на это было всё равно

– он сидел у себя в Кремле, выслушивал доклады, ставил подписи, принимал порой смелые решения, миролюбиво относился к странам–соседям и партнёрам, хотя был способен постучать туфлём по столу. При всём этом, Сергей Николаевич был начитан, образован, мог хорошо вести переговоры, отстаивать внешние интересы России, а также обладал хорошим вкусом в изящных искусствах. Министр из него получился бы отличный... Но в Правительстве заправлял Божесов, и хоть формировал его не сам, но министры прониклись симпатией именно к нему, а не Лапину.

– Друзья мои, я очень рад, что вы пришли на маскарад... – мурлыкал Божесов себе под нос, вальяжно входя в зал заседаний. – Сидите, сидите... Сергей Николаевич, извините ради Бога, был на маникюре, секретарша–дура, забыла перенести, – Божесов поиграл в воздухе кончиками пальцев.

– Садитесь, Михаил Александрович, – невозмутимо произнёс Лапин. – Теперь можем начинать...

– Вольно, товарищи, – скомандовал министрам Божесов, снимая солнечные очки. Их взгляды оторвались от стола, и тела расслабились...

– Как вы все понимаете, – говорил Президент, – Положения из моего Послания Федеральному Собранию должны исполняться уже со следующего месяца. Вопросы обороны у нас, к счастью, уже не стоят в приоритете, но и на Космическую программу, лично к вам, Михаил Александрович, обращаюсь... мы расходовать средства не можем. В приоритете остаётся здравоохранение и строительство... Сколько это выходит в среднем?

Божесов вопросительно посмотрел на вице–премьера, который не подготовил статистику.

– Ну, мы пытаемся привлечь дополнительные средства, – бойко стал отвечать Михаил Александрович, ища хоть какие–нибудь данные в планшете. – На развитие здравоохранения, НИИ, зарплаты бюджетным служащим, оборудование и прочее будет направлено дополнительно полтриллиона... Со строительством немного сложнее, потому что нужно понимать, что именно мы строим. Одно дело больница, тогда это в счёт финансов здравоохранения, другое дело дорога, тогда это в региональные центры поступают деньги. Но около 300 миллиардов будет направлено...

– Но вы проконтролируете, чтобы деньги реально работали на людей. Чтобы была польза... Создайте наблюдательную Комиссию.

– Это обязательно, без Комиссий у нас бумаге не растёт, – отвечал иронично Божесов. – А вообще, Сергей Николаевич, пользуясь случаем, хочется сказать, что система национальных проектов была эффективнее. Когда есть чёткое планирование с лёгким контролем потока бюджетных средств, работать всем, даже как бывший прокурор говорю, гораздо удобнее! А не вот эти популистские фразы «здравоохранение поднимем», «мосты построим», а на деле мосты горят и здравоохранение, как было на уровне после эпидемии, так и осталось!

– Популизма больше в ваших словах, Михаил Александрович, – отвечал размеренно Лапин. – Мне лично больницами заниматься? Или для этого у меня есть такие, как вы?

– Возможно и так, в экономике я не силен... Но то, что вы обошли семьи в своём Послании меня искренне задевает!

– Так вы ж холостой? – усмехнулся Лапин, не производя впечатления на министров.

– С такой социальной политикой и жениться–то страшно! – играючи отшучивался Божесов, вызывая улыбку на лицах министров.

– Ладно. Если вы не настроены на ночь глядя обсуждать цифры, поговорим о желанной вами «генеральной линии партии» ...

Божесов располагающе улыбнулся Лапину, как будто дал право на существование его шутке.

– Пока Администрация Президента готовит поправки в Конституцию, мне хочется поинтересоваться о ваших личных, пусть немного субъективных, желаниях в этом вопросе...

Министры, почувствовав источник предпочтений, оживились и вступили в беседу – каждый находил что добавить или хотя бы просто озвучивал свои мысли об основном законе. Божесов хмуро смотрел на эту беседу, но решился добавить:

– Сергей Николаевич, моё мнение довольно простое. Менять Конституции ради продления срока полномочий довольно опрометчивое решение...

– Заметьте, что такое уже было.

– Двадцатый год не в счёт, – отмахнулся Божесов. – Инициатор этой реформы всего лишь оттенил таким образом перемены, ради эффективного нашего с вами дуумвирата. Вы же сейчас забираете себе всю власть и только.

– Это будет решать референдум, – заметил Лапин.

– Я курсовую писал о референдумах, Сергей Николаевич, – уверенно сказал Божесов. – Между прочим, единственная курсовая на пять! Поэтому прекрасно знаю, как дипломированный юрист, что согласно действующей Конституции, мнение народа не важно.

– Но я, как политолог, вам отвечу, что спросить их всё же требуется, – скривился в улыбке Лапин.

– Тогда хоть Бога из преамбулы уберите, – решил шуткой завершить препирательства Божесов.

– Вы что-то конкретное поменять хотите? – понял Лапин суть претензий Божесова.

– Да. Предлагаю создать хоть какую-нибудь видимость, Сергей Николаевич. Давайте пойдём от противного. Поправки 2020 года смехотворны, так может быть уберём откровенный бред? На этом сможем и компанию построить и популярность некую снискать...

– А именно? – не скрывая любопытства спросил Лапин.

– Как минимум вернуть нашу главную скрепу, наш священный «подряд», – источал сарказм Михаил Александрович.

– Вы же знаете, что мне подряд совершенно не нужен, – улыбнулся коварно Сергей Николаевич.

– Прекрасно понимаю, но предлагаю вам игру, а про «подряд» говорю так, красного словца ради... Я предлагаю нам вместе идти на выборы.

Повисла пауза, министры испуганно стали смотреть по сторонам, будто их при этом не было.

– Это интересное предложение, – промычал Лапин. – Мы его обязательно обсудим тет-а-тет... Ещё какие-нибудь более относящиеся к Конституции замечания?

– Да, пожалуй, нам следует пересмотреть 75 статью, – в этот раз министры оживились и в единодушном порыве вздохами и покашливаниями выразили недовольство. Особенно отличился министр финансов, сказавший: «Такое не трогают!»

– Вы видите, Михаил Александрович, – развёл руками Президент. – Есть вещи, не подвластные ни нам, ни народу... Увы, господа, на этом мы должны завершить. Благодарю всех.

Министры в приподнятом настроении покидали зал. Божесов быстренько пожал всем руки, сказал кому надо парочку суровых фраз, испепелил взглядом министра финансов, кивнул Президенту и направился к выходу.

– Вы в рассадник демократии? – коварно спросил Божесов вице-премьера.

– Да, – невозмутимо стойко ответил вице–премьер, понимая, что речь идёт о благотворительном вечере «True liberals».

– Я к ним заскочу, наверное. Без меня не компрометируйте их, – и, хлопнув по плечу вице–преьера, выбежал из Сенатского дворца к ожидавшему кортежу из четырёх автомобилей.

Президент Лапин у себя в кабинете подошёл к аппарату спецсвязи.

– Красенко, – волевым голосом произнёс он.

– Слушаю, господин Президент? – отозвалось через двенадцать секунд.

– Давай топить его, – был тихий ответ.

Глава IV

– Что-то есть важное? – спросила у Божесова его пресс-секретарь Мари.
– Болтовня пустая... Как говорится, на его месте должен был быть я! А сейчас сидим, деньги переливаем...

– И когда мы будем действовать?

Божесов проницательно посмотрел на Мари и задумчиво произнёс:

– Знаешь... Я начал. Он думает, что я буду баллотироваться, и несомненно начнёт играть против меня, дурак!

Мари ждала пояснения последнего слова.

– У него было одиннадцать лет, и он ни разу не сделал ничего, что могло меня опорочить! – развил свою мысль Божесов. – Наоборот, реформа образования, борьба с эпидемией, активная позиция во внешней политике. И главное полный контроль созданной мною военизированной службы в минюсте!

– Это глупо, – произнесла сдержанно Мари.

– Вот именно, если не моя внешняя сдержанность, то было бы двоевластие.

– Что-нибудь скажем Орловой? – спросила Мари.

– Да, дай-ка телефон... А пока едем к либералам.

– Надумал?

– Ну, лишь через пару месяцев будут в лагерях пахать, а пока, пусть веселятся!

Мари грустно посмотрела на Божесова, напротив прибывающего в самом весёлом расположении духа и набиравшего Орлову:

– Лиз? Я сказал ему, – таинственно произнёс он, не скрывая улыбки. – Начинаем и делаем всё до поправок. Отслеживай всю информационную повесткой обо мне, кажется, до него дошла моя опасность.

– О, Михаил Александрович! Вы всё-таки посетили нашу оппозиционную клоаку? – встречала Любовь Аркадьевна премьера, заглушая своим голосом сильно быющую музыку.

– Как же я могу вас оставить без внимания, – отмахнулся галантно Божесов. – Вы же оракулы оппозиционной молодёжи, как тут пройти мимо?

– Издёвка чувствуется, Михаил Александрович, – прищурилась Любовь Аркадьевна. – Мы же знаем, что вам на электорат больше всех наплевать.

– Абсолютно, терпеть не могу избираемые должности. Лицемерие и ответственность минимальная. Одно дело отвечать перед толпой, играя на противоречиях и добиваясь большинства, другое – качественно работать перед одним человеком. Это труднее, а потому мерзавцев-бюрократов я знаю меньше, чем мерзавцев-депутатов. Впрочем, для вас они все на одно лицо?

– Вы к нам несправедливы, мы ценим право граждан голосовать и считаем, что прямых выборов в России должно быть больше, хоть вы и считаете иначе... Хотя с народом общаться любите, – направила Любовь Аркадьевна премьера в другой коридор, а не в общий шумный зал. – Охраны мало, возможность написать сообщение в соцсетях есть...

– Постоянно пишут, кстати. Много интересного, кто-то здоровья желает, кто-то прокликает, а кто-то и по делу что-нибудь сообщает... Читаю в дороге обычно, мемчики шлют бывает, а это, понимаете ли, очень важно.

– Жалеют, что вы не стали президентом? – спросила Любовь Аркадьевна, выводя Божесова на балкон зала к самым важным гостям.

– Ой, зря смеётесь, если бы я выиграл в 2024, тогда вы бы со мной в команде работали, – игриво ответил Божесов, ловко подхватывая бокал, проносимый официантом.

– Да? – повела бровями Любовь Аркадьевна, разыгрывая удивление. – И почему же?

– Вы же знаете, я беспартийный, – хитро прищурился Божесов. – И, если бы я пришёл к власти, единственным, на кого мог бы опираться, стала бы военизированная служба, которая подчинялась мне, пока я был министром юстиции. А тут бы чистки начались, я бы не смог договориться ни с большинством правящей партии, которую, по сути, обманул, играя на выборах против их начальника, ни с парламентской оппозицией, которая однозначно подчинялась предыдущему составу Кремля. Только сила, репрессии и люстрация помогли бы мне снискать поддержку у ваших сторонников...

– Врёте вы опять, – обычной интонацией разоблачителя коррупционеров произнесла Любовь Аркадьевна. – Из каждого угла твердите, что у нас нет поддержки среди населения, а сейчас...

– Это на выборах, – прервал спокойно Божесов. – На выборах вас и правда никто не поддерживает на необходимом уровне... Но отрицать то, что активная часть населения, интересующаяся политикой, стоит за вами, было бы глупо... Я вам просто политтехнологию объясняю – мне, как «не своему» пришлось бы опираться, во-первых, на верные себе силы, а, во-вторых, на активную часть населения. Оппозиционно настроенная молодёжь всегда на вашей стороне, вот и всё. Просто ваш флаг подхватил бы.

– Беспринципный вы человек, Михаил Александрович, – погрозила пальцем Любовь Аркадьевна. – Хотя, справедливости ради, у властных партий был бы противовес в лице молодёжных организаций...

– «Гвардии»–то? – чуть не подавился шампанским Михаил Александрович. – Я на этот русланд-югент смотреть не могу!

– Неожиданно, я думала, вы поддерживаете молодёжную активность в плане политики, чего только ваши школьные парламенты стояли...

– Это системная реформа образования, – проговорил Божесов. – Часть предвыборных обещаний... Но отвечу вам откровенно, нынешние школьные парламенты идеальны по сравнению со всякими «гвардиями», «армиями», и тем более, Господи прости, добровольцами и волонтерами в политике. Одно дело за животными ухаживать, другое дело человечков–свиней двигать во власть...

Любовь Аркадьевна не ожидала такой ненависти к добровольчеству и организациям молодёжной политики от премьера, который часто разносил её политическое движение оппозиционного толка в публичном пространстве. Сейчас же он с величайшим пренебрежением высказывался о том, что должен был бы любить, но делал это с улыбкой, очаровательными движениями рук и юмором.

– Кто бы не пришёл к власти, – продолжал Божесов. – Коммунисты, монархисты, либералы, фашисты, капиталисты, не важно. Школьники, участвующие в школьных парламентах, никак бы не пострадали, потому что Школьный парламент это орган власти, решающий локальные проблемы образования в регионе и городе. Школьники не входят в партии и не исповедуют какие-то взгляды, они просто реально делают процесс обучения лучше – вызывают директоров для вопросов, согласовывают статьи бюджета, направленные на воспитательную деятельность... Словом, совершенно аполитичны, а потому могут спокойно переживать смену правящих элит...

– Ну, в этом вы правы, я понимаю. Когда, допустим, мы придём к власти, то Школьные парламенты трогать не будем, потому что навыки там даются очень нужные... Но не совсем ясно ваше отношение к партийным организациям молодёжи, почему вы их так не любите?

– Ну, во-первых, сейчас их состав сократился, – схватил какую-то закуску с подноса Божесов. – В сторонниках партий остались действительно убеждённые молодые люди. Во-вто-

рых, карьеристы, желающие урвать кусок успеха от участия в жизни правящей региональной (молчу уж про федеральную) партии, исчезли тоже. В-третьих... В-третьих, я же вам говорю о 2024 году, когда, откровенно говоря, судьба страны была многим не понятна. Никто власть не любил, но кто-то её и вовсе ненавидел, кто-то против неё протестовал, кто-то считал, что вся эта политика глупость, кто-то думал также, но наоборот лицемерно примазывался к власти, думая, что совершает инвестиции в своё будущее...

– И между прочем не прогадали, – опять захохотала Любовь Аркадьевна.

– Ну, тогда не прогадали, – согласился Божесов. – Но вот если бы я победил, тогда однозначно у всех, кто работал добровольцами или стажёрами в партии–власти, не было бы никакого будущего.

– Да вы диктатор похлеще Путина! – воскликнула Любовь Аркадьевна, заметив, как поморщился Божесов от имени.

– Вы поступили бы также, только ваши сторонники люстрировали всех, кто имел отношение к правящим кругам, даже муниципального уровня...

– Почему вам так добровольцы не нравятся? – ускользнула от этой щекотливой для оппозиционера, любящего протестовать, но никогда не занимающегося практической политикой, темы Любовь Аркадьевна.

– Понимаете, *власть должна ухаживать за стариками, животными, беречь природу, а с этими волонтерскими движениями получается, что «выполняйте, дурни, нашу работу даром, а за неё медальки получайте», глупо...* Любый труд для власти должен оплачиваться...

Хотя Я в большей степени критикую молодёжь, которая до 2024 года состояла в каких-то политдвижениях, «подрабатывала», допустим, на выборах – письма писала, на письма отвечала, подписи собирала, подарки разносила, людей забалтывала, призывала голосовать и всячески поддерживала кандидатов в местные или региональные депутаты. Это ужасно как минимум по тому, что в большинстве случаев старшеклассники и студенты не верили в своих «работодателей», делали это для галочки в своей книжке, для каких-то баллов и прочей ахинеи... Откровенно говоря, занимались политической проституцией, – Божесов прищурился с омерзением. – Вы прекрасно понимаете, что в политике делать нечего, если вы не верите в неё... Но даже если эта молодёжь верила в своё дело, то они ни черта в жизни не разбираются!

– Михаил Александрович, – прервала Любовь Аркадьевна. – Вы как-то очень категорично выражаетесь! Не думала, что буду спорить о том, что молодёжь, занимающаяся политической агитацией за партию–власти, это не политическая проституция, но вы меня вынуждаете! Слишком категорично вы говорите, будто всем нужно платить за помощь в политической агитации, но что делать кандидатам, не имеющим отношения к партии–власти и не способным платить сторонникам?

– Ну, Любовь, – ласково мурлыкал Божесов. – Я премьер–министр, дайте мне расслабиться в этой приятной обстановке от напряжённых рабочих моментов. Позвольте быть категоричным, потому что с безапелляционным утверждением не согласиться гораздо проще, чем с размазанной формулой, имеющей доказательства и предусматривающей несколько точек зрения.

– Вы и философ к тому же!

– Ага, ещё и крестиком вышиваю... В категоричном высказывании я делаю лишь одно утверждение, с которым вы можете легко не согласиться, а если я начну его доказывать, то, чтобы опровергнуть меня, вам придётся отвечать на каждый аргумент, – улыбнулся Божесов. – «Земля плоская» – один научный факт и вы докажете мне обратное! «Земля плоская, потому что реки текут в разных направлениях, самолёты не корректируют высоту при дальнем перелёте, расчёты ведутся с учётом плоскости Земли и прочее» – тут вам уже необходимо опровергнуть каждый аргумент... Надеюсь, вы понимаете, что категоричность не так плоха?

– Забавно, – тупо прошептала Любовь Аркадьевна. – Хотя, наверное, доказывает обратное... Что же вы говорили о политической проституции?

– Ох, Любовь. На простого народного кандидата можно поработать и бесплатно, но жирный боров с мандатом двадцатипятилетней давности пусть платит (хотя на таких и работать не надо). Ну, представим – вы одиннадцатиклассник и помогаете правящей, как вы говорите «партии жуликов и воров», а по-нашему партии «Единение», на региональных выборах. Допустим, обзваниваете наивных пенсионеров, убеждаете их прийти на выборы или, ещё глупее, сидите в избирательном штабе местного губернатора, который, – Божесов театрально перешёл шёпот. – Ещё не заявил о своём участии в выборах и от вас требуют держать эту информацию в тайне, потому что, по их представлению, народ тупой и не понимает, что губер за три месяца до выборов дешёвую интригу создаёт вокруг своего выдвижения...

– Вы похлеще меня оппозиционер, – усмехнулась Любовь Аркадьевна, раскрывая Божесова с совершенно неожиданной человеческой стороны.

– ...Короче, вы работаете на власть. Не верите в неё абсолютно, потому как человек мыслящий, – (тут ощущалась издёвка), – Но делаете это ради абстрактных бонусов для дальнейшего трудоустройства или поступления в вуз. Это ли не проституция? Ведь вы не горите своей политической активностью, вам достаточно быть в теме! И вы не понимаете, что со временем эта нелюбимая народом власть сменится и вас заклеят, как пособника. До 2024 действительно некоторые были на пределе и могли запросто перерезать провода квартиры, в которой живёт человек, состоящий в партии «Единство», не отличающейся лоском кадров. Так что мне лично не понятна мотивация, загоняющая нормальных и адекватных школьников и студентов в эту политическую помойку... Поэтому я говорю, что Школьные парламенты удобнее и риск для будущего от них меньше, – заключил Божесов улыбаясь.

– Но... – начала Любовь Аркадьевна.

– Может быть, уже хватит? Я демагогией привык заниматься на работе, а тут вы на откровенности зовёте.

– Конечно, конечно... Уже уходить собираетесь?

– В целом можно, – пожал плечами Божесов. – Отметился на оппозиционном вечере, поболтал с лидером либерального несистемного движения... Думаю, теперь можно ехать спать. Пиар вполне приятный!

– Удивляюсь вам, Михаил Александрович. Бывший прокурор, случайный губернатор и министр юстиции, фиктивный кандидат в президенты! А чутьё у вас... Будто смолodu в политической организации! – засмеялась Любовь Аркадьевна.

– Плохая шутка. Вы танцуете *Shuffle*? – проговорил Божесов и тут же нагло вывел Любовь Аркадьевну на открытую площадку, приковав внимание всех собравшихся. – Повеселим публику?

Под электронную музыку Божесов делал чёткие, заранее отрепетированные движения, перебирая ногами с огромной скоростью и красотой, хотя весь этот эпатажный андеграунд походил чем-то на еврейские танцы. Плавности движений не хватало Любви Аркадьевне – в какой-то момент она, совершенно не ожидавшая такого шуточного приглашения, чуть заметно пошатнулась и не упала только благодаря Михаилу Александровичу, вовремя подхватившему её и тем самым завершившему танец.

– Вы ведь не зря сидели одиннадцать лет в кресле премьера? – спросила сильно запыхавшаяся Любовь Аркадьевна, пока ещё не закончились аплодисменты. – Столько наблюдаете за политикой, при этом столько несистемных убеждений...

– Не понимаю, к чему вы клоните, – как ни в чём не бывало произнёс Божесов, раскладываясь. – Я домой, завтра день важный. Первые обсуждения генпрокурора.

– Один же после вас занял место в Лимске, пока вы губернатором там трудились? Вы его продвигать будете... Не коррупция, с которой вы боретесь? – спросила уже хищными интонациями Любовь Аркадьевна.

– Нет ничего проще борьбы с коррупцией, дорогая. Создал министерство со страшным названием, поставил ошалелого человека во главе и дал триста человек спецназа. Всё. Начнут бояться! Правда, скоро министр в Москве будет редко, предпочитая больше Европу, но так, увы, устроена жизнь.

Он ушёл, весело помахав рукой другим приглашённым чиновникам.

– Хитрец, – подошёл к Любове Аркадьевне её пресс-секретарь.

– Не то слово, – процедила она в ответ обыкновенным голосом. – Совершенный нестандарт, страшно представить, как он оказался в своём кресле...

– Я про ваш танец! Представляете заголовки: «Премьер спас от падения несистемную оппозицию».

– Пиарщик... – прошипела Любовь Аркадьевна.

Глава V

Артемий Клёнов сидел на веранде ресторана своего отеля, вяло пережёвывая какое-то случайно заказанное обеденное блюдо из морепродуктов. Солнце агрессивно горело, нагревая асфальт, камни пляжа и стегая людей, покорно и не без удовольствия подставляющих ему свои спины.

Клёнов сидел в тени веранды, на автомате рассматривая окружающих, и напряжённо о чём-то думал... Прошло десять минут, и в лучах солнца на веранду зашёл епископ Евгений в синем подряснике, солнечных очках с синими стёклами и синих же мокасынах. Близоруко оглядевшись, он уверенно направился к столику Артемия.

– Обедаеть? – принимая вольготную позу, сказал он.

– После такой ночи это ещё завтрак, – неотёсанно усмехнулся Клёнов.

– Выспался?

– Просто восхитительно! Никогда так хорошо не спал!

– Это всё чарующая красота моего голоса, – снял очки епископ с наигранной гордостью.

– Да конечно! – усмехнулся Клёнов. – А игра какая! Где же ты в школе себя просаживал.

– Педагог апатию привил, – серьёзно проговорил Евгений, немного смутив Клёнова и делая официанту какой-то знак.

Артемий недолго помолчал, вновь раздумывая о том, что надо было сказать...

– Послушай, – начал он размеренно. – Спасибо, что вырвал меня из страны.

– Без проблем, это не такая трудная для меня задача, хоть ты и сотрудник спецслужб, – серьёзно отвечал епископ.

– Но, – продолжал Клёнов. – Меня уже вызывают в Москву, потому что возникают новые подробности одного дела...

Официант принёс епископу бутылочку Шабли и сыры. Это вторжение в попытку взвешенного разговора отшибло у Артемия готовность откровенничать.

– Ну? – отряхнул его Евгений, играя с вином в бокале.

– Да ладно... Давай не здесь об этом.

– Как скажешь, – отвечал епископ. – Тогда о встрече выпускников. Я прекрасно помню твоё предложение встретиться всем в 30 лет «в каком-нибудь незабываемом месте», – передразнил интонации Клёнова епископ.

– Ага.

– И наверняка ты предлагаешь мою виллу в качестве локации?

– Ага, – кивнул самодовольно Клёнов.

– В такие моменты, – поднося бокал к губам, говорил Евгений. – Жалеешь, что учился в приличной школе... Учились бы в обыкновенной, тогда половина одноклассников была невыездыными по судимостям или кредитам...

– Очень смешно, – оборвал эти рассуждения Клёнов. – Ты согласен провести встречу у себя на даче?

– Друг мой, – протянул епископ это обращение. – Дача – это Кузьминки, а у меня вилла, на которой Мане между прочем жил!

– Так он же у Селини жил? – удивился Артемий.

– Там Клод Моне, а на моей вилле Эдуард Мане. «Музыка в Тюильри», «Олимпия», «Гитарреро»? Нет? Ничему МХК не научило...

– Никогда в этом не сомневался, – пресёк Артемий стёб Евгения. – Так ты согласен или нет?

– Если это не потребует дополнительных затрат, – уклончиво ответил епископ.

– Как будто тебе так трудно! – возмутился Артемий.

– Тёма, тебе в твоём возрасте и должности пора уже знать, что я зарабатываю очень мало, имея личных финансов в разы меньше, чем ты на госслужбе. Всё моё благополучие – это корпоративные традиции.

– Машины, костюмы, украшения... – перечислял ехидно Артемий.

– Пожертвования, – сказал епископ. – Автомобили и дома мне не принадлежат. Это банкира Нарьевича, мы с ним виделись у Селини. Он, кстати, учредитель «AnnaBank», который косвенно контролирует 17% финансового рынка России и входит в топ-десять инвесторов госкорпораций.

– Тю-тю-тю, какие мы важные! И говоришь после этого, что денег нет? – улыбался Артемий.

– Тём, моё богатство не в пластиковых карточках, а в визитных, – произнёс с важностью и глубокомыслием Евгений, давая понять, что разговор в таком ключе необходимо завершить.

Он посмотрел на лазурное море счастливым взглядом расслабленного человека.

– Но я, конечно, согласен, – добавил он. – Даже перелёт бесплатный организуем за счёт моего фонда.

– Хотя о чём-то договорились, – промычал Артемий.

– А вторая вещь?

Артемий типично для себя повздыхал несколько минут, Евгений, молча ожидая, потягивал вино.

– Я пойду, наверное... Вещи собирать... – решил на какой-то шаг Клёнов, уверенно добавив: – Заплати.

И пошёл в отель. Епископ Евгений отодвинул бокал и сложил очки параллельно краю стола. Он посмотрел в море, глубоко вдохнул воздух, перевёл взгляд в небо и, положив кусочек сыра в рот, незаметно для посетителей перекрестился...

В номере Артемия уже царил беспорядок. Немногочисленные вещи были разбросаны по всему обозримому пространству, а два маленьких дорожных чемодана всё ещё оставались пустыми. Клёнов копошился в каждом углу, больше заботясь о халатах отеля, чем о своих собственных вещах...

– Жаль, что ко мне не заедешь, – проговорил Евгений.

– Ой, Саш, не до твоих дач и замков с видом на море, – ответил Артемий, продолжая складывать халат, повернувшись спиной к епископу.

В течение шести минут Клёнову не нравились формы, которые халат принимал в его руках. Наконец он получил что-то приемлемое и развернулся. Евгений спокойно складывал его костюм во второй чемодан (первый он уже успел запаковать). Артемий решил не удивляться, поэтому просто сел на стул, готовясь о чём-то сообщить. Епископ был готов его внимательно выслушать.

– Короче, Саш... – начал Клёнов неуверенно. – Мне хоть и нельзя, но, наверное, я должен рассказать тебе...

Евгений спокойно кивнул.

– Это касается Инги, – сказал Артемий твёрдо. Евгений недовольно сморщился.

– Болезненная тема, господин капитан, – проговорил он.

– Да, понимаю... Но ей угрожает большая опасность.

– Связанная с твоей деятельностью? – удивился Евгений, всё ещё не обрадованный этим разговором.

– Да, – уверенно сказал Артемий, закрывая окно на Променад, чтобы стало тихо. – Как знаешь, Лапин исправляет Конституцию для выборов в следующем году... Месяц назад по

наводке ГРУ у меня была операция под кураторством начальника Собственной безопасности... Ничего не обычного, просто три фуры ехали из Белоруссии. Ну, может быть наркотики, так мы думали. Перехватили в общем, постреляли, водилы ни в какую, в полном **** от происходящего, – епископ недовольно причмокнул от подобных эмоций Клёнова. – Открыли фуры, всё чинно, ящички с яблочками стоят в три ряда, вроде всё нормально? Но в одной фуре 10 тонн газа ядовитого, в другой семь с половиной тысяч единиц огнестрельного оружия разного. В третьей патроны.

Епископ сидел по-прежнему, не показывая никаких эмоций.

– И? Как это касается Инга, и тем более меня? – нетерпеливо спросил он.

– Да сейчас, сейчас! – усмехнулся Артемий. – Через несколько дней меня и куратора расследования вызвал директор Красенко. Сказал, что Екатерина Алексеевна отстраняется от этого дела, типо не в её юрисдикции... Потом остался я. Красенко сообщил, что к делу нужно подойти с другой стороны, и в этот момент в кабинет зашёл капитан Мирович, который занимался расследованием левого финансирования движения «True liberals».

– Та-а-к, уже лучше – протянул Евгений, начиная понимать, к чему клонит Клёнов.

– И теперь наши с ним дела идут в связке, а Красенко настаивает на том, что груз был заказан либералами для провокаций перед поправками в Конституции, – заключил Артемий.

Епископ молчал со стеклянным взглядом. В его голове происходил анализ сказанного.

– Я так понимаю, Инга в движении занимается чем-то важным? – спросил он.

– Настолько важным, что *она* попадает в число тех, кто будет отвечать за фуры, – отвечал Артемий, спешно добавляя, – Если, конечно, будет доказана причастность движения.

– Да, – сдержанно произнёс Евгений, сжимая губы. – По твоим словам, всё уже и так ясно. «True liberals» хотят устроить миниреволюцию, а Правительство предотвратит всё это и уберёт главную оппозиционную силу на момент голосования по Конституции. Изошрённо. В этом задействован Божесов, – говорил внешне спокойный епископ, но в ускоренном темпе произношения этих слов чувствовалась беспокойство, понятное Артемию.

– Саш... – добавил тихонько Артемий. – Не случайно нас объединили с Мировичем... «True libarals» финансировалось из Правительства, и поэтому Красенко *убедительно дал нам понять*, что мы должны установить хоть какую-нибудь связь именно Божесова с этими фурами...

Епископ сощурил глаза и отстранённо промычал:

– Это, конечно, ужасно... Безвыходная ситуация, если всё так серьёзно... Спасибо, что сказал об Инге. Нужно что-нибудь придумать...

– Ну, я даже не знаю. Это практически нереально.

– От тебя мне помощь и не нужна. Ты себя компрометируешь в таком случае, а ты должен заниматься этим следствием, – быстро проговаривал епископ, закрывая эту тему. – Я тебя в аэропорт сейчас завезу.

– Хорошо.

В холле отеля, епископ Евгений, с блеском интриги в глазах, спросил о том, где сейчас госпожа Орлова. Ему ответили, что она только что уехала в Монако в Музей океанографии.

– Mercí, – кивнул Евгений и пришёл на парковку, где в его кабриолете на водительском месте сидел Клёнов.

– Только вздумай скорость превысить, Красенко покажется очень милым человеком, – сказал Евгений с мягкой улыбкой, позволяя Клёнову довезти себя до аэропорта.

Глава VI

Сразу после проводов Артемия, епископ на всех парах помчался в Монако, не обращая никакого внимания на жаркие лучи солнца и блестящее море. Его голова была забита только словами Клёнова, и он думал, как повлиять на эту ситуацию. Незаметно для себя он оказался у величественного здания Океанографического музея, вокруг которого, как всегда, стояло множество посетителей. Не зная, как именно отыскать Орлову, он уже раздумал встретиться с ней здесь и решил просто прогуляться в садах Святого Мартина, а Орлову найти уже в Ницце. Но она сама увидела его примечательную фигуру в подряснике и окликнула, выходя из музея.

– Как будто вы меня ищете, – подошла она к епископу.

– Если честно, то да, – улыбнулся ей Евгений, быстро окинувшей её голубой комбинезон из лёгкой ткани. – Вы прекрасно выглядите. Это Kiton?

– Kiton, – подтвердила Орлова. – Вчера вы тоже были в нём, но сегодня в «рабочей одежде».

– Вчерашний вечер исключение. Я не люблю «брендовый шмот», предпочитаю больше шить на заказ в скромных ателье или поддерживать местных производителей.

– Вы живёте во Франции, где местные производители часто лучше брендовых, – справедливо заметила Елизавета Николаевна.

– Я не виноват, это безвыходная ситуация, – засмеялся на этот ироничный упрёк епископ. – В России я люблю отечественную одежду.

– Прямо как Божесов, – ответила Орлова. – Премьер хоть и похож на франта, но бренды не переносит и ненавидит. Всё на заказ в московских ателье.

– Я хотел вас пригласить вечером на другую вечеринку. У меня на вилле. Там будут политики ЕС, поэтом, возможно, будет чуть интереснее и перспективнее...

– Я могу, – согласилась Орлова не раздумывая. – Только мне ещё предстоит одна встреча в Казино. Поэтому лучше вам заехать за мной вечером.

– Хорошо. А сейчас можно составить вам компанию? – предложил Евгений.

– Разумеется, я хотела посетить Собор Святого Николая, думаю, вы лучшая компания для этого дела.

Епископ довольно улыбнулся, и они лёгким прогулочным шагом направились к Собору по садам Святого Мартина.

– Я люблю Ривьеру, – говорила Орлова. – Но можете себе представить, я госслужащий с двадцати двух лет и до сих пор у меня нет виллы и яхты!

– Это довольно похвально, Елизавета Николаевна.

– Мне все так говорят, – отмахнулась Орлова. – Особенно те, у кого виллы и яхты находятся не только во Франции и Италии.

– И от чего такая аскеза? – спросил епископ.

– Я не материалист, а трудоголик. Удовольствие и смысл нахожу в своём деле, а не в квартирах, виллах, самолётах и других ценных вещах... Но выглядеть мне всё равно нужно презентабельно, – добавила она спешно, заметив, что епископ смотрит на её крупные сапфировые серьги. – Я всё-таки, как вы сказали, создаю информационную реальность, поэтому должна одеваться презентабельно.

Они зашли в прохладный и совершенно пустой Собор.

– В католических храмах есть своя очаровательность, – произнесла Орлова, садясь на скамью.

– Безусловно, – согласился епископ.

– Сидя в такой тишине приходится задумываться об истинах жизни и её смысле, – прошептала Орлова, смотря слегка вверх на развешанные в центральном нефё государственные флаги Княжества.

– И что вы думаете об этом?

– Мой смысл прост – служить своей стране и делать жизнь моих сограждан лучше. А истины... Разве не для всех они одинаковы?

– У каждого своя истина, Елизавета Николаевна. Кто-то считает себя центром Вселенной и строит истину на этом основании, кто-то, наоборот, безумно принижает себя, кто-то на подобии Раскольникова строит теории...

– Но все они не правы, – завершила за епископа его рассуждения Орлова. – Это довольно простая мысль для человека вашего уровня.

– Что ж поделаться... Евангелие от Иоанна «И познаёте истину, и истина сделает вас свободными». Но всеми бесспорно принимается только одна истина, Елизавета Николаевна...

– Какая же?

– Человек смертен, – улыбнулся епископ.

Орлова решила развить эту популярную мысль:

– Если человек смертен, тогда вся его жизнь бессмысленна, тогда чем бы он не занимался, куда бы не вкладывал свои интеллектуальные способности, всё завершиться и исчезнет. Значит, и смысла нет?

– Почему же? Исходя из положения, что каждый смертен, можно вывести как минимум два смысла. Первый – прожить жизнь в удовольствие, познавая красоту мира, лентяйничая и, что называется, кайфуя. Вместо погони за социальной успешностью, материальным благополучием. Второй интереснее – можно достичь бессмертия.

– Даже знаю, что вы скажете о бессмертии, – усмехнулась Елизавета Николаевна.

– Возможно, – лукаво улыбнулся епископ. – Но по мнению учёных-атеистов бессмертия в религиозном смысле не существует.

– Это по мнению учёных, к коим я себя не отношу. Вопрос существования Рая и Ада очень дискуссионный, но жизнь после смерти – это вопрос сознания. Заметьте – не души, о её наличии тоже можно спорить, в то время как существование сознания очевидно... Хочется верить, что наше сознание будет жить и после смерти тела.

– Вы слишком депрессивны для чиновника, – решил смягчить беседу Евгений. – Я ж говорю о бессмертии историческом. Чтобы люди, носители как раз сознания, помнили о твоём существовании, даже после смерти тела... Но увы, таких бессмертных мало...

– Ну, как же! – смутилась Орлова. – Писатели, художники, архитекторы, композиторы, военачальники, политики. Многие из них бессмертны в вашем понимании.

– Неа, – мигнул одним глазом епископ задорно. – Давайте выйдем с вами на площадь и спросим прохожих, знают ли они даже не о творчестве и историческом вкладе, а хотя бы о существовании Гессе, Кафки, даже Достоевского. Знают ли о Ренуаре и Вучетиче. О Масканьи и Рубинштейне. О Жукове или Саладине... Сомневаюсь.

– Но это показатель не смертности названных личностей, а необразованности людей, – заметила справедливо Орлова.

– При этом, Елизавета Николаевна, – продолжил епископ. – И политики также смертны. Фараоны были божествами в умах людей, обладая абсолютной властью и творя действительно великие дела. Но попробуйте назвать хоть какого-нибудь фараона сейчас с пониманием его вклада в истории? Вряд ли получится.

– Допустим, но это необразованность! Очень печально, что в наше время люди перестали заниматься изучением достижений предыдущих поколений, не знают искусства, не понимают музыку, а лишь заиклены на себе, своём успехе, карьере и в редких случаях на своём внутреннем мире, но ценен ли этот мир, если полностью игнорировать и считать ненужным познание

философии и истории, живописи и литературы? Если думать исключительно о практическом и рациональном, считая, что мысль о «Человеке» не так важна на данном этапе? – произнесла горячо Орлова.

– Это вновь вопрос смертности и конечности нашей жизни, Елизавета Николаевна. Просто сегодня все думают в большей степени о материальном и бытовом благополучии... А образование перестаёт быть путём к истине, превращаясь в простую формальность получения диплома. Но когда человек попадает в аварию, то думает он не о том, что завтра в квартиру придут сантехники и не о том, что презентацию нового проекта проведёт кто-то другой. Он думает о том, что жизнь обрывается, а полноценно – то он и не жил. И, наверное, для меня гораздо интересней старушка-смотрительница музея, чем PR-специалист газовой компании... Конечно, вовсе не обязательно знать, что Гайдн написал более сотни симфоний, но однозначно те, кто изучает жизни, кто читает, кто наблюдает, анализирует и рассуждает о людях, об искусстве и о самой бытие, такие люди прекрасны... Но по факту, ничто не вечно, и одинаково смертен и философ Аристотель, и амбициозный-технократ Илон Маск.

– Так и кто же тогда бессмертен?

– Я могу назвать вам три имени, – как ни в чём не бывало бойко ответил епископ. – Но перед этим спрошу вас, как политика страны, которая одержала победу в самой страшной мировой войне. Кого помнят яснее Сталина, Рузвельта, Черчилля или Гитлера?

Орлова сжала губы и на несколько мгновений задумалась. Ответ был очевидным. Чьё имя стало нарицательным для злодейств и мерилom любого зла, о ком мы вспоминаем, когда желаем охарактеризовать кого-нибудь с ужасной стороны?

– Гитлера, – ответила наконец Орлова. – На данный момент этот человек безоговорочно вписал себя в историю.

– Верно... Пройдёт ещё несколько лет, а по Красной площади пройдёт парад к столетию Победы и, наверное, память о ней начнёт молниеносно затухать, парады будут только по юбилеям, а вскоре и вовсе сойдут на нет. Забудут Сталина, Жукова, Конева, Тимошенко, Рокоссовского, Ворошилова и Василевского. Но о Гитлере будут помнить, потому что это квинтэссенция ненависти... Иногда даже говорят «внутренний Гитлер», ведь он не столько человек, сколько бренд зла, который мы используем в повседневной жизни.

– Всё же, кто эти, три бессмертных человека? – спросила Орлова, пропустив мимо ушей слова о фюрере.

– Будда, Христос и Мухамед, – спокойно ответил епископ. – Только эти три реально существующие личности бессмертны, даже если предположить, что религия – это ложь, то эти три человека всё равно известны абсолютно каждому. Как думаете, почему?

– Потому что они создатели идей, затрагивающих вопросы, интересующие человеческое сознание. А идеи такого уровня вписывают людей в историю и в сердца потомков. Кстати, всё-таки есть политик, который обрёл себя на бессмертие...

– Ленин? Не смешите...

– Нет, нет, – со смехом прервала Орлова. – Мао Цзэдун.

Евгений посмотрел в её горящие глаза. В этот момент в Собор зашла группа туристов с азиатской внешностью.

– Боюсь, что вы правы! – засмеялся в ответ епископ.

В назначенный час епископ Евгений ожидал Елизавету Николаевну у дверей отеля, дружелюбно улыбаясь и кивая многочисленным прохожим. Легко было узнать в нём церковника – в кабриолете он сидел облачённый в угольно чёрный подрясник с вышитыми узорами, плотно охватывающий его туловище и свободный (хоть прохожим этого было не видно) в ногах; шляпа

цвета кофейного молока защищала Евгения от знойного солнца. Поигрывая маленьким серым термосом, вечно сопровождавшим его в машине, Евгений увидел Орлову, выходящую из отеля в сопровождении одного из своих охранников. Епископ не захотел помогать Елизавете Николаевне садиться в автомобиль и играть для неё роль галантного джентльмена – цели общения с Орловой в его голове уже окончательно оформились после слов Клёнова и разговора в Монако.

Орлова молча села в кабриолет, совершенно не задетая равнодушием Евгения и даже, как казалась, обрадованная им. Она властным движением руки, ни сделав ни одного лишнего действия хоть какой-нибудь частью тела, дала понять телохранителю, что он свободен.

– Снова здравствуйте, Елизавета Николаевна, – отъезжая от отеля, поздоровался епископ. Орлова, повернув голову, ответила ему уставшим голосом.

Возможно подобное вялое поведение было вызвано тем, что цвет их шляп от солнца был похож. Но, с другой стороны, иная их одежда сильно отличалась – Елизавета Николаевна была одета в чёрное платье с открытой спиной, а вокруг неё разносился тонкий аромат местного парфюма, купленного на недавнем шоппинге. Не решая заниматься анализом причин усталости Орловой, епископ решился на простой способ всё узнать:

– Вы кажетесь уставшей, – сказал он. – В Казино не повезло?

Орлова сняла солнечные очки и чопорно посмотрела на Евгения совершенно другим взглядом нежели в Монако.

– Неудача небольшая постигла, – сказала она, выбрав путь доверительной беседы, признавая в Князеве духовное лицо.

– Ваше платье великолепно, поэтому вряд ли вы проиграли в Казино всё.

– Это приятно слышать, – немного расслабившись ответила Орлова. – Голой и правда не осталась. Но дело в работе...

– Как, у вас тоже рабочие неприятности? – посмеялся епископ.

– У вас тоже? – поинтересовалась Елизавета Николаевна.

– Коллективная проблема, требующая решения. Прошное беспокоит в некотором смысле... Мой друг, с которым мы ездили к Селини, мало меня обрадовал.

– У молодых гэбистов часто возникают проблемы, – опытно говорила Орлова.

– Возможно... – уклончиво, понимая, что сейчас не лучшее время для обращения по своему вопросу, отвечал Евгений. – Так что у вас?

– Ох, встреча сорвалась с одним важным человеком из Европарламента... Так-то пустяки, просто протокольные формальности теперь придётся начинать... К слову, вы меня на коррупцию не толкаете подобной поездкой? – улыбнулась Елизавета Николаевна.

– Смотря, как вы это расцените, но с точки зрения закона никакой коррупционной составляющей! – отшутился Евгений. – А пока просто насладитесь вечерней красотой цветущего департамента Приморские Альпы.

Они уже выехали из города, но Евгений провёл автомобиль мимо съезда на автостраду, двигаясь по узким дорогам дальше, в горы. Нагретый воздух благоухал истинными ароматами Прованса – лавандой и сухим сеном. Участки со средневековыми мрачными деревнями чередовались с зарослями и отвесными склонами гор, с которых открывался головокружительный вид на мерцающую прибрежную равнину и многочисленные посёлки. Внизу Орлова увидела ровные виноградники, спускающиеся в темноту вечера. Часы частых церквушек отбивали половину восьмого...

Евгений свернул с основной дороги на более невзрачную и ещё более тёмную. Свет ближней деревни, находящейся на возвышенности, был ориентиром для Орловой. Епископ поднял крышу кабриолета, стало уютнее. Автомобиль делал петли на постоянных крутых поворотах, ведущих всё выше и выше... Заехали в деревню, в которой кипела французская вечерняя жизнь – пожилые люди, вероятно, самые многочисленные обитатели, сидели в уличных рестораниках на ровной площадке перед резким спуском с горы, потягивали вино под дымящиеся

мясные блюда. Князев въехал в густую кипарисовую аллею, стоявшую границей между деревней и другой частью возвышенности.

– Добро пожаловать в мои владения, – осклабился Евгений, подведя кабриолет к резным воротам.

– И это вы говорили хвалили меня за отсутствие яхт и вилл, – усмехнулась Елизавета Николаевна, всматриваясь в территорию.

Во дворе поместья, у фонтана стояло 4 автомобиля одной марки. Дорожки от фонтана вели к крыльцу опрятного несимметричного замка с двумя этажами по фасаду, окошечками цокольных и чердачных помещений, и с тремя встроенными башенками.

– Это молодое здание, – пояснил епископ. – Лет двадцать назад построили...

– Французский классицизм, – проговорила Орлова.

– Я вас проведу через другой вход, – предложил Евгений. Они обошли кругом весь замок, в окнах которого горел свет. Со ступенек крыльца с заливым лаем к епископу сорвалась собачка.

– Фрэнк, тихо! – скомандовал он очень спокойно и Кавалер–кинг–чарльз–спаниель замолк, не мешая визуальной экскурсии.

Задние пространства поместья были ещё более потрясающими – дорожки, проложенные ровными линиями и обсаженные по краям кустами лаванды, вели к маленькому пруду. По периметру плотно росли огромные деревья. Оставшийся на просторе газон тянулся до самого обрыва, с края которого открывался умопомрачительный вид на Средиземное море, зелёные склоны гор и изгибы побережья.

– Нас ждут, – лукаво шепнул Евгений на ухо заворожённой Орловой.

Они вошли в дом.

Глава VII

– Миш, какие комментарии мы даём о назначении генпрокурором Сергея Смолова? – спрашивала пресс-секретарь у Божесова, входя в его рабочий кабинет.

– Ну, как думаешь? – спросил её ласково Михаил Александрович, не отрывая глаз от монитора. – Я сенаторам такие субсидии наобещал за Сергея Васильевича, что придётся сокращать лапинские расходы на здравоохранение... Конечно, самые положительные комментарии! Скажи, что лично я знаю его по Лимской области, что он профессионал и прочее... Хотя добавь, что у нас с ним были разногласия в вопросе, ну, например, эвтаназии. Но покажи, что мы с ним друзья.

– Поняла, – Мари не собиралась уходить. – Но, Миш, он знает меня, как подозреваемую по делу «Четырёх» 2018 года. Это не опасно?

– О тебе он и без поста генпрокурора знает, молчит же?

Мари скептически кивнула.

– Мари, для меня очень важен свой генеральный прокурор. Смоллов тоже грешный, поэтому, если начнёт пасовать, мы его быстро закроем. А пока он мой.

– И он наверняка не знает о компромате?

– Абсолютно, – прошептал коварно Божесов.

Мари молча сидела на одном из диванов кабинета Божесова. Он продолжал смотреть в монитор погружённым взглядом.

– Ты правда хочешь предложить Лапину устроить выборы с твоим участием? – задала наконец Мари давно интересующий вопрос. Михаил Александрович оторвался от компьютера и улыбнулся, не показывая зубов. Его взгляд не выражал ничего, но внутри шло обдумывание ответа.

– Это был бы прекрасный сценарий с легальным переходом власти. Ясно, что я выиграю у него. Особенно, если выборы фальсифицировать...

– Но ведь это не твой путь. Твои планы масштабны и потому требуют какой-то социальной встряски... Как ты сам говорил. Что это будет? – робко спросила Мари.

– Ну, радость моя! Прости, но никто, кроме Орловой, не знает план. Я бы и рад рассказать все тоталитарные подробности, – улыбался Божесов. – Но это тайна. Поэтому просто жди, когда мы выиграем. А пока иди в свою чудесную квартиру в Хамовниках, отдохни в китайских интерьерах и наберись сил, впереди много работы.

Мари сказала что-то в ответ и вышла из кабинета, простившись с Михаилом Александровичем. Он посидел ещё несколько минут, пролистывая какие-то документы, и достал телефон.

«Всё по плану?» – написал Орловой Божесов.

«Потом расскажу. На ужине у епископа, – пришёл ответ. – В целом, ничего».

«Завтра чтобы была у Лапина. Он будет объяснять стратегию освещения реформы в СМИ».

– Машину мне, – немного грубовато сказал он в селектор.

Через двадцать минут Божесов инкогнито приехал в Управление Собственной безопасности, а именно к своему человеку – Екатерине Алексеевне, занимавшей пост начальника Управления. Со Службой безопасности у Божесова не складывались отношения со времён его работы прокурором, поэтому свой человек на ключевом посту организации был для него безумно полезен. Если директор Красенко напрямую подчинялся Президенту, и влиять на его

решения Божесов не мог, то должность Екатерины Алексеевны давала доступ ко всем сотрудникам, всем данным и, в некотором смысле, ко всем операциям.

– Здравствуй, здравствуй моя Императрица! – мурлыкал Михаил Александрович, входя в кабинет к Екатерине Алексеевне.

– Привет, Миш, – не отрывая взгляд от стола отвечала Екатерина.

– Я, представь себе, по делу...

– Даже знаю какому.

Михаил Александрович, словно кот, молниеносно расположился на диване в комфортной для себя позе.

– Ну–с, что можешь поведать интересного?

Екатерина Алексеевна отложила бумаги и посмотрела на Премьера.

– Что вы все смотрите так, будто вас от любимого дела отрывают, – пошутил он.

– Что ты, вовсе не отвлекаешь.

– Тогда рассказывай о наших проблемах.

– Ну в общем. Под тебя Лапин копает.

Божесов смерил её презрительным взглядом и засмеялся.

– Ну, могу только пожелать ему удачи! Я абсолютно чист.

– Да всё проще. Они фальсифицируют, – заметила Екатерина Алексеевна.

– Так... И что именно? – уже озаботился Божесов.

– Посмотри, – кинула она папку на диван. – Это копия дел «Дальнобойщиков» и бюджетного финансирования «True liberals». Меня отстранили, но как обычно, пока приказ прошёл через канцелярии, я успела заказать копии.

Божесов с азартом пролистывал дело, почувствовав в себе тягу к прокурорскому прошлому. Он внимательным взглядом читал каждую страницу, улыбаясь в определённых местах.

– Мило, мило, – сказал он, оторвавшись от папки. – Они на основании моего присутствия на дискотеке «True liberals» хотят установить тайный сговор? Сказать, что деньги к ним отправлял я? Третьекурсник в суде всё это развалит.

– Не скажи. Я не знаю, что им удалось нарыть кроме этой папки.

– То есть установление моей причастности к финансированию возможно?

– Конечно. Любой министр и его замы могли проворачивать эти операции, даже в счёт своих бюджетов. Всё равно по договорённости это повесят на тебя. А там и полноценное уголовное дело, и отставка в связи с утратой доверия.

– Кать, – задорно улыбнулся совершенно спокойный Божесов. – По Конституции Премьер уходит отдельно от Правительства. Поэтому даже со статьями 278, 279 и 283, к которым они наверняка меня и подводят, возникнет серьёзный политический кризис. Сейчас такая ситуация, что перед поправками в Конституцию расчищать министров и будоражить их воспалённое сознание опасно, к тому же с такой формулировкой против их руководителя. А вот после или во время... Здесь можно и шоу устроить.

– Им будет не до веселья.

– Зато мне! Представляешь, что можно на этом уголовном деле построить?! Какую мощную пиар–компанию. Да они сами себе яму выкопали, зайка моя! – его глаза загорелись демоническим блеском.

– Удивлена, что ты радуешься этому, – заметила Екатерина Алексеевна спокойным, почти безучастным голосом.

– Это удача, – протянула сладко Божесов, раскинувшись на диване и потянувшись. – Теперь мы год ждать не будем до выборов! Теперь мы устроим всё раньше и с новыми, более крутыми перегибами!

– Для начала надо будет найти крысу в Правительстве, того, кто совершал переводы «True liberals», – оборвала восторги Екатерина Алексеевна. – Я понимаю, что ты желаешь встряхнуть систему, чтобы строить свою, но нужно ведь готовиться.

– Ну, да. Ну, да... – задумался Божесов. – Только я вижу, что способов практически нет.

– Так надо было меня делать директором Службы, – не без обиды прошептала Екатерина Алексеевна.

– Ха! А кто дела эти ведёт? – не обратив внимание на её слова, спросил Божесов.

– Капитан Мирович и капитан Клёнов занимаются. Мирович вёл финансирование с самого начала.

– Ну–с. С ними можно договориться? Компромат, угрозы?

– Ты что хоть! Я так рисковать не буду. Они же и закроют всех нас за шпионаж и госизмену. С силовиками так не надо!

– Я и сам своего рода силовик, – пожал плечами Божесов. – Прокурор вообще–то... Говоришь, Мирович занимался финансированием?

– Да, и его как раз можно подкупить через третьих лиц.

– Нет, нет. Это скучно и опасно. Я другое придумаю... Нам нужно максимально затормозить дело в части связи «True liberals» со мной. То есть, чтобы этот момент начали заново рассматривать... – он задумался.

– Клёнов, кстати, летал в Ниццу, – сказала Екатерина Алексеевна. – Сегодня прилетел, так что можно использовать его поездки, как своеобразный компромат... Да и молодой он ещё, всё хочет делать справедливо, поэтому под либералов копает весьма вяло и посредственно...

– Так убьём его, – спокойно произнёс Божесов.

– Клёнова?!

– Да нет! Ты меня вообще слушаешь? Мировича. Тогда Клёнову придётся формировать уже собственное мнение о финансировании и, возможно, связываться с нашей крысой.

– Но...

– Семейное положение у кого какое?

– Мирович не женат, родители в Твери работают правоохранительной системе... Клёнов проще, семья, жена, ребёнок. Родители в Лимске, бизнес.

– Лимске? – переспросил Божесов. – Так это наш с тобой родной город, Катенька. Точно Мировича грохнем, – он встал и решительно пошёл к выходу.

– Кстати, тебя–то я слышал. Клёнов справедливый. Отлично, значит, будет копать против Лапина. Я подтолкну. Спокойной ночи, я поехал обмывать нового Генерального прокурора. Точно пригодится.

Глава VIII

В гостиной особняка епископа было четыре человека, бурно беседующих между собой. Все были одеты довольно торжественно. Появление хозяина остановило разговор, и заставило гостей повернуться.

– Добрый вечер, дамы и господа, – поклонился им епископ, говоря на русском. – Позвольте представить вам Елизавету Орлову, Заместителя Руководителя Администрации Президента России по связям с общественностью.

Елизавета Николаевна гордо кивнула.

– Мадам Лимазо, государственный секретарь при министре социальной политики Франции, – представлял гостей Евгений. – Месье Бийон, первый советник французского еврокомиссара...

При представлении месье Бийона глаза Орловой хищно заблестели, когда ей представили этого человека.

– Сергей Авраамович Нарьевич, – продолжал епископ, – Предприниматель, меценат и просто хороший человек. Учредитель «АппаБанк»... Преподобный отец Дирош, священник этой деревни...

Все сказали пару формальных шуток и дежурных фраз, сказали на хорошем русском языке, что немного позабавило Орлову... Улучив свободный момент в беседе на особенности внутренней политики Франции, Елизавета Николаевна шепнула Евгению:

– С Бийоном у меня и не состоялась встреча в Казино! Вам спасибо огромное, Ваше преосвященство... Вы мне Богом посланы!

– Все мы Богом посланы, – позволил себе профессиональную шутку епископ.

Плавное переместились из гостиной в просторную столовую с окнами, из которых открывался вид на побережье и надвигающиеся с моря тёмные тучи, подсвеченный последними лучами солнца. Два молчаливых официанта бесшумно скользили между стульями, подливая в бокалы местное Белле и принося новые блюда.

Разговоры были различные и велись по непонятной Орловой причине на русском языке. От проблем здравоохранения Франции и бюджета Евросоюза на 2036 год до проблем Католической Церкви, фонда Русской Церкви «Благословение» и политической жизни России.

Елизавета Николаевна не отставала ни от одной темы обсуждения, развёрнуто высказывая своё мнение по каждому вопросу. Разумеется, о России спрашивали в основном её.

– Как Родина поживает? – прожорливо спрашивал у неё Нарьевич.

– Как будто вы не знаете, Сергей Авраамович? Только две недели назад уехали, – бодро отвечала Орлова.

– У нас за это время произойти может всё что угодно, сами понимаете! Сергей Николаевич активно Конституцией занимается?

– Всё у нас тихо, мягко, стабильно и системно... Ваш университетский друг Лапин занимается пиаром. Правительство Божесова его всячески поддерживает, хотя сам Божесов не в восторге. В нём говорит прокурор, понимающий истинную причину изменений в Конституции.

– Так почему премьера не выгоняют? – интересовался старичок-священник.

– Что вы, святой отец, – отвечала за Орлову мадам Лимазо, – После его борьбы с инфекционным кризисом 2024 года он народный герой! Не правда ли? Кстати, он против упрощённого представления о семье, как союза мужчины и женщины?

– Ну, абсолютно точно, его неформальность обожают... Но по поводу семьи и вообще этих специфических ценностей у него своё мнение.

– Да? И какое же?

– Божесов не любит семьи. Он считает, что родительский контроль и воспитание должны быть минимальными, что и реализовал в своей образовательной реформе.

– Ах, да... В некоторых местах он скопировал образцы английской частной школы–пансиона. Что ж...

– Статистически, это очень взвешенная система, – добавил Бийон. – Мне Божесов очень нравится, у всех Европейских Комиссаров о нем положительное мнение. Его борьба за снятие санкций действительно прекрасна.

– Согласна, – улыбнулась ехидно Елизавета Николаевна. – Не каждый русский политик смог отобрать базы НАТО в Прибалтике и успешно блефовать военными действиями. Хах!

Месье Бийон сконфузился от неприятного воспоминания из истории Европы.

– Да, тогда он был хорош...

– Так что о правах человека? – повторила коварно мадам Лимазо.

– В России все равны в своих правах, – констатировала Орлова. – Но Божесову нравится говорить, что у нас нет прав мужчин и прав женщин, а есть права человека, которые едины для всех.

– Здорово...

– Но он в своём мнении о социальном устройстве непоследователен и нелогичен, – спешно сказала Орлова. – Он не умеет взвешивать и измерять все риски от решений таких вопросов...

– Il n'y a pas de logique en Russie, mais je n'ai jamais pu prédire les actions de Bozhesov. Par conséquent, il est le meilleur leader pour elle ⁷, – произнесла по-французски мадам Лимазо, поднося бокал с хихиканьем.

– А я Лапиным доволен, как Президентом, – заговорил Нарьевич. – Для меня, бизнесмена, всё отлично. Просто всё, понятно и стабильный доход с гарантиями... А у Божесова подход! «Собрать–поделить», никакой поддержки крупным, экономикаобразующим корпорациям, да ещё и непонятно, что он говорит, зачем, для чего?.. Фашист в экономическом плане, да и профан, если честно. Совершенно не ценящий рыночную экономику. Вообще удивляюсь его свободе, хоть премьерские полномочия предельно малы...

– Просто Михаил Александрович идейный человек, – вступилась Орлова. – У него много разных мыслей и на счёт экономики тоже... К тому же вы прекрасно понимаете, он популярен и любит брать на себя ответственность – Лапину больше и не надо...

– Monsieur Naryevich, savez-vous quelle est la particularité du système politique russe?⁸ – скромно спросил Евгений, подключаясь к разговору только в третий раз. – Исторически сложилось так, что в России существуют три чередующиеся стадии политического строя: самодержавие, олигархия, опричнина. А между ними существуют смуты. Опричнина, то есть чрезвычайные меры, несомненно нужна стране в нынешние времена, чтобы избавиться от олигархии, которую вы в том числе представляете, и прийти к единственно возможной форме власти – самодержавию.

– А как же демократия? – спросил Бийон, уплетавший пасту лингуине с крупными креветками.

– Она не живёт в России, лишённой логики, – ответил епископ. – В идеале, всему миру нужна справедливая социально ориентированная диктатура, при которой диктатор будет честен, благороден и справедлив. Разумеется, нужны и демократические институты, но при этом диктатор (или царь, как угодно) стоял бы выше этого и мог вмешиваться в антинародную политику властей. Как в Великобритании, но чтобы король был более значимой персоной.

⁷ В России не существует логики, но и действия Божесова я никогда не могла предсказать. Поэтому он самый лучший лидер для неё. (фр.)

⁸ Господин Нарьевич, знаете, в чём особенность российской политической системы? (фр.)

– Ну, для этого ещё надо эту диктатуру установить! – сказала мадам Лимазо.

– Конечно, для этого в России нужна смута, а потом самодержавие через опричные меры. Просто власть царская – она совершенна, а остальные так или иначе строятся на популизме и игре с большинством. Царь же (или диктатор) не отвечает ни перед кем и ни с кем не договаривается – он правит, служит народу, а его пребывание в этой должности контролируется законом. Если он совершает что-нибудь неправомерное, тогда, здесь можно и всенародно, выбирают нового на неограниченный срок.

– Вы просто опошлили демократическую систему в европейских конституционных монархиях, – фыркнула в ответ на это мадам Лимазо.

– А вы что думаете, Елизавета Николаевна? – спросил Нарьевич у Орловой, которая должна была отстоять действующую систему. Но Елизавета Николаевна посмотрела на епископа взглядом, в котором читалось согласие. Будто он думал также, как и она.

– На самом деле, Его преосвященство, во многом прав, – сказала она. – Конечно, вы немного упрощаете и, к слову, как и Божесов, не берёте в расчёт социальную действительность и общественный настрой. Но с мыслью о перерождения страны я безусловно соглашусь.

– Вы же давно работаете в федеральной власти? – вступился Нарьевич. – Я думал вы системный человек, заставший двух разных правителей и понимающий разницу между в их управлении страной...

– Я скажу больше, свою карьеру я начала в 2011 году, сразу после вуза, поэтому застала даже Медведева, – улыбнулась Орлова, проводя ногтем по ножке бокала. – Именно поэтому с уверенностью могу судить, что ничего не меняется. Конечно, взгляд Лапина отличается от взглядов Путина, также как его отличались от взглядов Ельцина, но ничего существенного в жизни людей не менялось. Конечно, кто-то умудрялся давать социальные гарантии, осуществлять стимулирующие выплаты или повышать пенсионный возраст, – при этой фразе её голос издевательски пошёл вверх. – Но всё это не от доброго сердца, а от популизма и желания оставаться у власти. Всё это не более, чем подачки голодному и зомбированному населению... Правда, последние семь лет я занимаюсь этим зомбированием, признаю, – она с достоинством завершила.

– Вы хотите сказать, что сейчас в России олигархия? – спросил Бийон, внимательно следивший за сутью разговора.

– Разумеется, – кивнула спокойно Орлова.

– И при нынешней политической среде возможна демократизация и повышение привлекательности России?

– Знаете, месье Бийон, Россия, как, пожалуй, и любая другая страна, напоминает механические часы, – Елизавета Николаевна указала на своё запястье с часами из белого золота от Cartier. – Разные периоды характеризуют состояние часов. После Ельцина часы России были сломаны, Путин часы собрал, а Лапин завёл. Но время они показывают всё равно неправильное...

– Та-ак! Значит, вашей стране нужен тот, кто эти часы настроит.

– Разумеется, – улыбнулась Орлова. – Только есть одно «но». Ельцин, Путин, Лапин – всё это «фиксики»... Вы знаете, что это?

– Этого термина не слышал, – удивился Бийон.

– Локальный мем, – посмотрел на Орлову с улыбкой епископ. Она продолжала:

– Я имею в виду то, что эта троица живёт внутри часов, встроена в систему. А нам нужен независимый часовщик, – Нарьевич подозрительно на неё посмотрел. – Независимый диктатор, отделённый от бюрократической системы и исключительно связанный с народом.

– Ага... Вы намекаете, что после «смуты», как выражается епископ, Россию ждёт часовщик? Самдержец? – последнее слово Бийон произнёс, сильно исковеркав.

– Не совсем, – засмеялся Нарьевич. – Возможна опять олигархия, после смуты!

– Если не будет опричнины, – тихо произнёс Евгений с загадочной улыбкой. – Будет опричина, будет самодержавие. Вы согласны, Елизавета Николаевна?

– Ох, – вздохнула она. – Я в этих разговорах и так живу, а сейчас на отдыхе погружаюсь в такую оживлённую дискуссию о судьбах Родины... Конечно. Конечно, нужна опричина для переделывания системы. В чём, например, была существенная разница между политикой лидеров СССР для простых людей? По сути, и не было разницы. Все годы жили с одной главенствующей идеей. И при Сталине, опричнике и самодержце, и при Брежневе с начинающейся олигархией, идея была одна, пронизывающая жизнь каждого человека. Рухнул Союз, пропала идея и до сих пор Российская Федерация со всеми своими разными правителями строится на идее «КОКБ» – кумовство, олигархия, коррупция, бюрократия.

– Sur nos canaux d'opposition, elle serait applaudie ⁹, – сделал шёпотом ремарку епископ.

– Не важно придёт ли к власти системный человек или ярый оппозиционер. Только поменяв идею, политическую структуру и перевернув вообще все сложившиеся шаблоны кумовства, коррупции и бюрократии, страна будет жить по-новому...

От таких пафосных и неожиданных для федерального служащего, занимающегося государственной пропагандой, речей о новой России все собравшиеся молчали, обдумывая слова.

– Et j'aimais Routine ¹⁰, – мягким голосочком пропищал священник Дирош, перебив тишину и треск камина, добавив: – С ним было и ясно, и весело.

После завершения разговоров за столом гости перешли в залу, по стенам которой висели привлекательные картины, продукт жизнедеятельности пост-мета-модерна...

Елизавета Николаевна начала о чём-то деловито беседовать с еврокомиссаром. Епископ Евгений спорил о нравственности с отцом Дирошем. Нарьевич описывал мадам Лимазо перспективы каких-то инвестиций. В определённый момент Евгений подошёл к роялю из красного дерева и молча начал играть... Прелюдия соль минор Рахманинова со всей мощной виртуозностью и тонкой лиричностью уверенно вырывалась из-под пальцев епископа. Он, закрыв глаза, мягко гладил клавиши, получая от своих действий эмоциональную разрядку, извлекая чудесные звуки из старинного инструмента... Пробежав мягко последние ноты прелюдии, Евгений поблагодарил всех за вечер и отправился в свои комнаты.

Орлова в момент, когда мадам Лимазо, распрощалась со всеми и покинула гостиную, уехав на одной из четырёх стоявших во дворе машин, почувствовала обеспокоенность своим ночлегом. Тем более, что Нарьевич тоже уехал с двумя автомобилями. С Бийоном и священником она проболтала ещё полчаса, но чувство тревоги её не покидало.

– Вот и буря началась, – пробормотал Дирош. – Тучи дошли всё-таки.

Орлова вспомнила о чёрных тучах со стороны моря. Циклон пригнал на Ривьеру пасмурную погоду и падение температуры.

– И как нам добраться домой? – поинтересовалась она у мужчин.

– Не беспокойтесь, – сказал Бийон располагающе. – Мы переночуем здесь, нам приготовили комнаты... Мы у Кардинала не первый раз.

⁹ На наших оппозиционных каналах ей бы зааплодировали. (фр.)

¹⁰ А мне нравился Путин. (фр.)

Комната, отведённая Орловой, могла называться уютной – плотные красивые шторы, симметрично висевшие картины, нежный небесный цвет стен и красивые лампы. Мягкая кровать, столь желанная после всех событий этого дня, была самым главным счастьем, но стоны ветра и топот дождя не давали Елизавете Николаевне спокойно уснуть.

«Хоть призраков нет в таком новом замке», – подумала Орлова, ворочаясь, а в окно ударил ветер, как бы спрашивая: «Откуда ты знаешь?».

– Пойду прогуляюсь, – произнесла она вслух, вставая с кровати и накидывая халат.

В коридорах дома горел тусклый свет, но из-за частоты появления ламп всё хорошо просматривалось. Орлова прошла по коридорам второго этажа модельной походкой.

«Всё же тут весело, – подумала она, – Божесову бы очень понравился Евгений...»

С первого этажа доносились звуки стучащей посуды и французская речь официантов. Из конца же коридора слабо слышался голос епископа. Елизавета Николаевна решила пойти туда. У двери она остановилась.

– ...Всем трудно и все сталкиваются с проблемами, – тихо говорил епископ. – Каждому, Господи, хочется помогать, но в себе я не могу найти усидчивости для этого. Не оставляй меня и благословляй мой путь... Помоги же во вразумление моих друзей, помоги Артемию вести расследование и помоги Инге уйти от ответственности, даже если и причастна она... Ради меня, прошу, помоги ей... Укрепляй и гостей моего дома, благослови Бийона, Лимазо, Нарьевича, Твоего преданного служителя Дироша и Елизавету Николаевну с Михаилом Александровичем. Помоги им в их деятельности, подскажи правильные пути и избавь от провокаций... Услышь мои молитвы, укрепляй и направляй меня и всех, нуждающихся в Твоей помощи. Аминь...

На Орлову из-за дверей выскочила ушастая собака епископа, своим ласковым рычанием и активностью привлёкшая его внимание.

– Вам не спится? – невозмутимо спросил её Евгений.

– Немного, – отвечала Елизавета Николаевна, чувствуя неловкость своего вторжения.

– Значит, можно ещё поболтать, – сказал епископ, падая в кресло, собака запрыгнула к нему на колени. – Вы, наверное, недовольны тем, что я исчез после всех наших удивительных бесед?

– Есть повод для возмущений, – говорила Орлова, принимая греческую позу на диване.

– Просто мне не всегда бывает уютно на каких бы то ни было вечерах. В определённом смысле мой стиль жизнь неблагочестив и не подобает церковнослужителю, но во многом это и служебный долг...

– На вечеринке у Селини вы вели себя очень по-свойски, выступали, пели, играли, а с собственного вечера практически убежали... Как-то это неприлично.

– Селини и Ольга мои друзья, да и выступать я люблю, – улыбнулся епископ. – Ну, а вечер не совсем мой, я ведь даже не собственник.

– И чьи же это владения?

– Нарьевича. Он мне любезно пожертвовал это поместье вместе с водителем, садовниками, поварами и официантами в пользование, а платит сам, – тихим голосом отвечал епископ. – Был ещё пентхаус в Монако от одного олигарха. Я принял, но продал, а на деньги строю монастырь в Тверской области. Правда, тоже для себя...

– Да вы серьёзный коррупционер! – усмехнулась Орлова.

– Это нормальная практика, – спокойно сказал епископ. – Как в анекдоте – приходит в храм мужчина бандитской наружности, спрашивает: «Поп, гарантируешь мне спасение, если пожертвую двадцать тысяч долларов?» Священник обводит его взглядом и, прищурившись, отвечает: «Спасения не гарантирую, но попробовать определённо стоит».

Елизавета Николаевна меланхолически усмехнулась.

– Вот так и я. Жертвы принимаю, направляя их на благо Церкви, а спасение уже от жизни самого благотворителя зависит... Этот дом мне нужен ни как монаху – я вполне доволен своей квартирой–студией в Париже, напротив епархиального управления Европейского экзархата... Но должность викарного епископа по связям с Евросоюзом обязывает общаться с разными людьми из власти.

– Очень полезная должность, Бийон в вашем доме меня удивил и обрадовал...

– Да... Возможно, будущий премьер–министр Франции. Но и как еврокомиссар вполне выгоден...

– А сколько вам лет? – задала Орлова интересующий её вопрос.

– Почти тридцать, – ответил епископ с лёгким блеском в глазах.

– Не молоды для таких должностей?

– Честно говоря, я не поддерживаю омолаживание Церкви. Служители в ней должны быть с опытом... Впрочем, талантливые, без лишней скромности, люди имеют право на успех. Мне, конечно, во многом помогло знакомство с Патриархом, во время защиты моей дипломной работы... Но и мой личный проект общецерковного фонда... Я говорю о «Благословении»... Сильно повлиял на мою успешность...

– Фонд прекрасная идея, хочу вам сказать. Конечно, во власти многие со скепсисом восприняли создание церковного банка, но бесплатная юридическая помощь, денежные пособия, психологическая и медицинская поддержка, что ещё?..

– Помощь в трудоустройстве, предоставление жилья, образовательные гранты, – быстро дополнил Евгений.

– Да... Это всё вызывает уважение у многих политиков.

– Зря, – к удивлению Орловой, ответил епископ. – Таким образом Церковь уходит из–под контроля государства и в некотором смысле в перспективе становится политическим игроком... Как член Церкви не могу говорить, что это плохо. Но то, что власть не видит кризиса, наводит на мысль о её некомпетентности...

– Вы жестоки к нам, – засмеялась Орлова.

– Я жесток к людям, которые тянутся к Церкви, зная, что теперь она в состоянии решать мирские проблемы. Всё больше мы доходим до состояния, когда отношения человека с Богом строятся в рабочем формате. Как с «генеральным директором Вселенной»: молитвы услышал, помог – держи свечку; не помог – ну, значит и Тебя нет. Печально это.

Епископ немного помолчал, выдерживая внутри себя какой–то вопрос. Собака, чувствуя это, спрыгнула с его колен, подсказывая правильные действия.

– А я вот спросить у вас хочу, – решился Евгений. – Вы почему так свободно говорили в этой компании на темы, о которых вам говорить и не положено вовсе?

Елизавета Николаевна посмотрела в его глаза, обдумывая ответ.

– Ну, формально, я с этими людьми встречаться вообще не должна, впрочем, как и они со мной. Только, если во Франции узнают о встрече Бийона и Лимазо с членом Администрации русского Президента, у них будет скандал и увольнение. А я, как русский чиновник, просто отсижусь пару месяцев, не выходя в публичное пространство. Поэтому я могла хоть дух Ленина и революции призывать там, но никто бы об этом не станет распространяться за пределами этого дома... Понимаете?

– Конечно, – кивнул ей епископ.

– Но если б в таком интересном разговоре о государственном устройстве участвовал Божесов... О, он бы вёл трансляцию у себя в инстаграм!

– Вам он правда нравится, как политик? – мягко спросил Евгений.

– Ну, в первую очередь, он мой бывший муж, который хотел стать президентом в 2024 году... Конечно, он нужный для страны политик. И уверяю вас, он борется за власть, – она

махнула большими ресницами, подтверждая свои слова. – Я увидела, Ваше преосвященство, что вы разделяете некоторые его взгляды... Жаль, что вы не пошли в политику.

– Я с ним встречался, – произнёс епископ.

– Да? – удивилась Орлова. – Впрочем, он встречался с духовенством часто...

– Нет, нет. Мы встречались в Лимске во время выпускного. Он приехал в город и устроил большой фестиваль для одиннадцатиклассников. А я был в Школьном парламенте Лимска, да и просто выпускался.

– Вы разве из Лимска? – снова удивилась Орлова. – Вы с ним земляки?

– Да, да, конечно. В тот день парламентарии даже говорили с ним, правда речи были формальными... Мне он показался очень достойным Премьером, и, кстати, он бесподобно одевается.

– Хм, удивительные вещи происходят... Я же говорила, что он франт. Любит одежду. Особенно обожает запонки с собачками такой породы, как ваша.

– Моя? Длинноухие–то? – переспросил Евгений.

– Да, да! Любит длинноухих собак. Сразу, как из комы вышел после выстрела, так и началось у него. Даже теорию разработал политическую... «Франчи́змом» назвал.

– Франчи́змом? – епископ погладил свою собаку по кличке Франия. – И в чём же суть?

– Примерно в том, о чём мы сегодня говорили за столом. Социально–справедливая диктатура, демократические институты и, разумеется, переворот сознания... Он ведь диктатор, Ваше преосвященство, – сказала Орлова без оценки своего отношения к этому факту.

– Скажу, что диктатура – это очень хорошо.

Елизавета Николаевна посмотрела на него. Епископ улыбнулся, понимая всю противоречивость своего образа, составленного Елизаветой Николаевной. При этом он думал и о своей проблеме, чётко понимая, что Орлова находится на стороне Божесова, против которого, по словам Клёнова, ведётся борьба. Значит, Елизавета Николаевна может помочь...

– Вы когда в Москву? – спросил он немного неуверенно.

– Завтра ночью вылетаю. Дела, работа, страна, СМИ...

– Приходите вечером на службу в Николаевском соборе Ниццы. Я вас потом в аэропорт отвезу и скажу кое–что, важно–рабочее...

– Хорошо, я постараюсь, – уже сонно произносила Орлова.

– Тогда спокойной ночи.

Глава IX

Прилетев в Москву в половине одиннадцатого вечера, Клёнов не особо задумывался куда ему нужно ехать. С одной стороны, дома его ждала жена Лена с дочкой, с другой – в его кабинете который день хозяйничал исключительно капитан Мирович, с азартом желающий сделать дело провокационным. Дело и правда было муторным и запутанным до одурения, а главное обещало невиданный карьерный рост. За прошедшее с начала расследования время по делу «Дальнобойщиков» удалось определить происхождение фур – они принадлежали «True liberals», но были проданы за неделю до перехвата. Обнаруженное оружие оказалось очень низкого качества – каждое второе стреляло с осечками. Происхождение баллонов газа было совершенно непонятным – никакой маркировки на самих баллонах, и отсутствие найденного химического состава во всех официальных списках, хотя состав и был смертельно опасным.

При этом с «True liberals» дело «Дальнобойщиков» было связано только через фуры. Этому нашлось логичное объяснение – оппозиционеры обновляли свой автопарк и проводили масштабное техническое переоснащение организации со всеми филиалами (за счёт финансирования из бюджетных источников). Но договор продажи фур куда-то исчез и установить владельца было невозможно... На самом деле, совершенно ни к чему не обязывающая информация, но для уверенности участия «True liberals» в подготовке вооружённых выступлений очень полезная. Оппозиция выступала против Конституционной реформы, проводя частые публичные мероприятия, а потому попытка захвата власти могла относиться к этому движению. Гладкость всей этой схемы смущала Клёнова, но он понимал, что всё это часть большой политической игры, жалея только о том, что в ходе этого может пострадать его с епископом Евгением общая знакомая...

– О, Артемий Алексеич вернулся! – встретил его капитан Мирович, продолжавший сидеть в кабинете даже в поздний час. – Как загнивающий Запад?

– Да я так... Развлёкся немного.

– Ха-ха! Развлёкся и развеялся, а потом сразу на работу! А как же семья?

– Подождёт, – отмахнулся Клёнов от назойливой трескотни Мировича. – Чего меня сорвал с отдыха и планирования встречи выпускников? Что-то важное имеешь сказать?

– Да, – таинственно произнёс капитан.

– Так выкладывай!

– Я знаешь, что нашёл? – встал из-за стола Мирович. – Человека, который готов подтвердить то, что финансирование шло по приказу Божесова...

– Отлично, потому что кроме его посещения благотворительного вечера либералов больше ничего на него нет... – усмехнулся Клёнов.

– А теперь будет! Я встречаюсь с этим человеком через две недели. Он-то всё и расскажет!

– А меня вот смущает, что фурами управляли эти дурачки-мужички, – произнёс задумчиво Клёнов.

– С чего бы?

– Ты странностей не видишь? Сколько слов они сказали после ареста? Три! Недель больше прошло! Это какие-то фанатики, вряд ли имеющиеся у «True liberals»...

– В смысле?

– В том смысле, что это всё это случайно или специально подстроенные и спланированное не нами мероприятие.

– Тёма, – прервал его рассуждения Мирович. – Ты знаешь, что мы работаем так, как нам приказано. Я уже близок к доказательному разоблачению Премьера. Давай просто выполнять свою работу, к тому же у нас всё аргументированно.

- А если итог неправильный!
- Неважно, главное, что всё доказательно. Даже глупая идея может иметь аргументы в свою поддержку, а мы решаем важные вопросы. Иди уже домой, Тём... Завтра поговорим.
- Клёнов кивнул головой, соглашаясь с Мировичем, и вышел из кабинета...

В то же самое время, пока Клёнов разговаривал с Мировичем, а Орлова была на вечере у епископа Евгения, Божесов после посещения Екатерины Алексеевны, прокатившись несколько кругов по Москве, заехал в Кремль. Лапин не привык находится в официальной резиденции, поэтому Божесов спокойно разгуливал по опустевшим коридорам Сенатского дворца, а в нужный момент спустился в длинный коридор, по которому пошёл уверенным шагом. Через некоторое время он вышел туда, где его уже ждали.

– Миша, – обратился Министр иностранных дел Наклеватко слегка раздражённо, – Объясни, пожалуйста, какого фига мы собрались в Мавзолее?!

– Мне кажется, это очень поэтично, – ответил Божесов, вытаскивая туфлю из узкой щели между плитами.

– Хорошее место, Игорь Сергеевич, что хоть вы? – сказал Министр обороны Максим Петрович.

– А я вот тоже не совсем понимаю удовольствие от такого... – проговорил Генеральный прокурор Сергей Васильевич Смоллов.

– Это такая метафора, – заметил Даниил Николаевич, помощник Божесова со времён его губернаторства, а теперь глава Специального отдела Министерства юстиции.

– Бросьте, ребята, – сказал Божесов, нависший над телом Ленина. – Какая метафора? Это просто единственное место, которое Красенко не прослушивает... А то, товарищи, проблемы у нас.

– И что же? – спросил робко Игорь Сергеевич.

– Три недели до голосования по поправкам, а Лапин решил меня сажать, – улыбнулся игриво Божесов. – Натравил Службу безопасности, шьёт мне несуществующие дела, но эти проблемы решаются, – Божесов хищно осклабился. – Уже мною сделано некоторое распоряжение, которое позволит получить нам фору... Дедушка Ленин был бы в восторге от ситуации! А вот мы начинаем реализацию проекта «Франчи́зм» в полной мере.

– По плану? – спросил Даниил Николаевич.

– Не совсем... Сейчас определилась важная конкретика. Прокуратура кое-что должна начать; МИД работает в прежнем режиме, сейчас Орлова устанавливает связи с Еврокомиссией; с Максима Петровича только танки и завуалированные переназначения преданных людей; ну, а Даниил Николаич, вам придётся весь личный состав спецназа Министерства юстиции поднимать.

– Выполним...

– Главные изменения у нас, конечно, связаны с Елизаветой Николаевной...

– Что же ты придумал? И где она вообще? – спросил Игорь Сергеевич.

– В Ницце отдыхает и работает параллельно. Но пока не в курсе, что мы начинаем. Скажу ей сегодня по закрытой связи, – Божесов кругами ходил вокруг Ленина. – Ей придётся управлять сложной кампанией в СМИ, но, думаю, она справится.

Божесов принял серьёзный вид, достал из дипломата несколько папок, выдал их и трезвым взглядом окинул окружающих:

– Сейчас всё по делу, ребята. Начинаем.

После разговора с Мировичем настроение Клёнова ухудшилось. Он задумчиво вёл машину к дому. Желая развеяться, Артемий поехал не на прямую, а через Большой Каменный мост. Некрасиво на мосту сияла пустота вместо четырёх частей ограждения. Артемий взглянул на купола Храма Христа Спасителя.

«Сейчас бы с Князовым встретиться»...

Покатавшись полчаса по городу, он наконец доехал домой, больше думая о Мировиче, Князеве, Инге, Божесове, Орловой и всём этом странном деле. Дом его встретили радостно и на некоторое время он забыл о своём беспокойстве. Лена о чём-то расспрашивала, немного обижаясь из-за того, что в Ницце он был один, но в целом вела себя очень по-доброму. Однако всё равно видела озабоченность в глазах Князева.

– Мне не нравится то, что сейчас происходит у тебя на работе, – сказала она. – Ты слишком много внимания ей уделяешь и практически ничем не занимаешься с семьёй...

– Ну, при моих делах все силы уходят на работу.

– И это плохо. Я понимаю, что ты сотрудник серьёзной организации, но даже у неё есть график работы.

– Просто сейчас очень интересное расследование.

– Интереснее семьи? – спросила она с ухмылкой. – Ну, ну. Я знаю только, что все ваши интересные дела очень опасны для жизни, поэтому волнуюсь. И за себя, и за дочь, и за тебя.

Звонок телефона не дал Клёнову ответить на эти претензии.

– Как? – ответил он практически через несколько секунд какой-то информации. – Это ужасная трагедия... Завтра в Управлении всё подготовлю... Спасибо.

– Что там? – спросила Лена.

– Накаркала ты, – без особого сожаления произнёс Клёнов. – Мирович вылетел в Москву–реку с Большого моста и утонул. Дел теперь будет ещё больше у меня!

Глава X

Забросив все купленные за эти дни вещи, сувениры и подарки в свой автомобиль, Орлова отправила свою охрану ждать её в аэропорту и грузить чемоданы. Затем надела шляпку и солнечные очки, чем завершила свой лук, состоящий из длинной красной юбки и тельняшки, и прогулочным шагом с видом счастливого туриста вышла из отеля в сторону православного собора. Жара набирала свои обороты и тенистые улицы постепенно растворяли в себе людей, тянувшихся к морю. Елизавета Николаевна дошла до участка, принадлежащего православной общине. У ворот её ждала женщина, одетая в чёрная, но опытный взгляд Орловой подсказывал, что она не имеет никакого отношения к монахиням. Они зашли в собор, в тёмно-жёлтом блеске свечей они направились дальше, к свету. Выйдя из притвора, они оказались среди людей, неподвижно стоящих и устремляющих взгляд на солею. Там, в полном облачении, в лучах света от паникадила и в дымке лада, стоял с воздетыми к небу руками епископ Евгений, читающий текст на старославянском. Вокруг него стояло четыре иподьякона в золотых одеждах, хотя парчовое облачение епископа смотрелось гораздо торжественнее и блестяще... Когда он заканчивал своё чтение, дивное пение откуда-то сверху обволакивало всё пространство, переливаясь от колонны к колонне и соединяясь в едином звучании со словами диакона-тенора. Так прошли двадцать минут, за которые в Орловой пробежали чувства гордого восторга и благоговения. После прозвучавшего в мажоре многолетия епископ Евгений повернулся к людям:

– Всечестные отцы, братья и сестры, – начал он благостно. – Поздравляю вас всех с праздником, благодарю всех за совместную соборную молитву. Замечательно, что меня благословили совершить богослужение у вас, в Ницце, много значащей для меня... Сегодня, во времена сложных испытаний в нашей мирской жизни, каждый сталкивается с ненавистью. Ненавистью в семейных отношениях, ненавистью в отношениях общественных, в отношениях рабочих, в отношениях властных. Так или иначе, но ненависти всегда сопутствует обида. Мы все ненавидим что-то или кого-то – бедный ненавидит богатого, глупый умного и наоборот, потому как Богом нам дана свобода воли и свобода выбора – мы вольны жить так, как нам нравится, вольны следовать тому пути, которому хотим. Но духовно широк и светел лишь путь Христа. В Котором кроется истина.

Что же есть Бог? Это любовь, милосердие и сострадание. Вспоминая апостольский путь, мы понимаем, что вся их жизнь была пропитана милосердием и любовью Бога. Но мы с вами не апостолы, а простые люди, которым нужно понять – чего же от нас ждёт Господь? Именно милосердия, любви и сострадания... Мы грешные, каждый из нас. В нас царят помыслы о славе, богатствах, жизненных успехах, часто за счёт других, и только после этих помыслов приходит последняя очередь для частички любви к ближнему... Любите всех, братья и сестры, любовь на первом месте – утешайте страждущих, помогайте нуждающимся, а самое главное, прощайте всех тех, кого ненавидите. Какую бы боль не причинил вам человек, на какое больное место он не наступил, прощайте его и молитесь о нём...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.